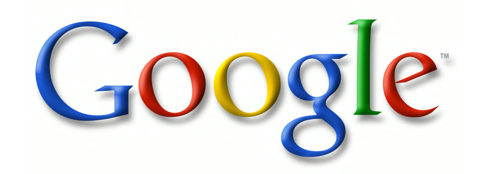
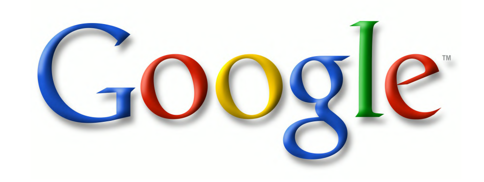
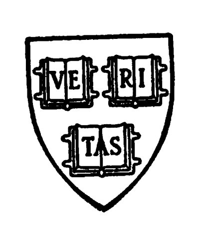

Google

VE
RI
TAS

Tried

СТИХОТВОРЕНІЯ

КРЕСТЬЯНИНА

ѲЕДОРА СЛѢПУШКИНА.

ДОСУГИ

СЕЛЬСКАГО ЖИТЕЛЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

РУСКАГО КРЕСТЬЯНИНА

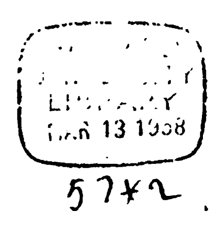
ѲЕДОРА СЛѢПУШКИНА.

„ Я искуства не имѣю,
„ Предъ судьями вкуса нѣмъ.
„ Хвалятъ? — веселюсь душею,
„ Хулятъ? — не печалюсь тѣмъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Александра Смирдина

1826 года.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ чтобы по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія, куда слѣдуетъ на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, 20-го Августа 1825 года.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Стихотворенія Рускаго крестьянина-поэта представляютъ необыкновенную и пріятную новость въ области Руской Словесности.—Крестьянинъ Слѣпушкинъ, который воспѣлъ свои полевые труды и начерталъ вѣрную картину сельской жизни, по справедливости заслуживаетъ имя Рускаго Гезіода.

Въ надеждѣ, что его единоземцамъ и собратіямъ пріятно будетъ видѣть черты человѣка, который трудами своими и способностями приноситъ особенную честь своему званію, и желая и въ другихъ, подобныхъ ему, возбудить соревнованіе къ обращенію часовъ досуга на труды, способствующіе къ просвѣщенію ума, считаю не излишнимъ приложить при семъ изданіи портретъ сего крестьянина-поэта, который къ своему дарованію присоединяетъ особенное искуство въ живописи.—Въ книжномъ магазинѣ И. В. Сленина выставленъ былъ живописный портретъ, списанный за нѣсколько лѣтъ предъ симъ Слѣпушкинымъ съ самаго себя.—Крестьянинъ поэтъ—самъ говоритъ:

. . . пишу портреты,
Я съ родни, дѣтей, съ друзей,
Ставлю вѣрно ихъ примѣты —

Въ память радости своей.
Я искусства не имѣю,
Предъ судьями вкуса нѣмъ.
Хвалятъ? веселюсь душею,
Хулятъ?---Не печалюсь тѣмъ.

Но самые строгіе судьи вкуса хвалили портретъ Графа Мусина-Пушкина, скопированный крестьяниномъ Слѣпушкинымъ съ портрета, находящагося въ Музеѣ извѣстнаго любителя отечественныхъ художествъ — П. П. Свиньина. — Читателямъ сей книги безъ сомнѣнія будетъ пріятно узнать, что одна особа, знаменитая любовію къ просвѣщенію и благотвореніями — пріемля участіе въ Слѣпушкинѣ, доставила ему случай обозрѣть чудеса искусства въ Императорскомъ Ермитажѣ—гдѣ и позволено крестьянину живописцу — списать копію, съ картины, какую онъ самъ назначитъ. Слѣпушкинъ избралъ для сего одну изъ портретныхъ картинъ Рембранта.

О ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНИНА СЛѢПУШКИНА.

Ѳедоръ Никифоровичь Слѣпушкинъ, Крестьянской сынъ, родился въ 1783 году, въ Романовскомъ уѣздѣ, Ярославской Губерніи, и принадлежитъ къ вотчинѣ Екатерины Владиміровны Новосильцовой, урожденной Графини Орловой, а проживаетъ здѣсь около двадцати лѣтъ въ 15 верстахъ близъ Петербурга, въ большой Рыбацкой слободѣ, что по Шлиссельбургской дорогѣ.

Грамотѣ — его обучалъ отецъ его, сколько умѣлъ, принадлежа и самъ къ числу людей недалекихъ въ грамотѣ. Девятилѣтній Федоръ, оставшись послѣ отца сиротою отданъ былъ въ сидѣльцы къ Московскому лавочнику, торговавшему съѣстными припасами, но 16 лѣтъ былъ снова взятъ въ деревню для подмоги мѣльнику, и однажды на вѣтреной мѣльницѣ поспѣшивъ пособить при слабомъ вѣтрѣ ходу нижнихъ колесъ — попалъ лѣвою рукою въ самую шестерню, и едва было не лишился жизни. Руку его переломало колесами, хотя другіе работники и успѣли остановить шестерню.—Слѣпушкинъ, по словамъ его, самъ себя вылѣчилъ, прикладывая къ рукѣ блины изъ ячменной муки, но долго не могъ владѣть рукою, однакоже успѣлъ возвратить и движеніе прикладываніем

муравьевъ; впрочемъ и донынѣ на рукѣ его остались слѣды отъ раздробленія шестернею. —

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сего женился онъ и съ тестемъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и снялъ мѣлочную лавку въ Колонистской слободѣ. Сначала было трудно Слѣпушкину жить среди иностранцевъ, но мало по малу онъ научился понимать Нѣмецкій языкъ—и въ короткое время успѣлъ пріобрѣсть и довѣріе и любовь окружныхъ жителей, и не одяихъ Колонистовъ, но и Рыбацкіе жители, ѣздили къ нему *за рѣку* покупать у него, и товаръ, купленный у Зарѣцкаго лавочника былъ и дешевый и лучшій. Это было причиною, что Слѣпушкина всѣ стали называть *Зарѣцкимъ*.

Между тѣмъ по всегдашней набожности любивъ бѣседовать о священномъ писаніи, Слѣпушкинъ отъ легкомыслія и суевѣрія вовлеченъ былъ въ расколъ Перекрещенской секты, и пробылъ въ семъ заблужденіи около 6 лѣтъ, но убѣждаясь совѣстію, что въ семъ расколѣ не пріобрѣтетъ спасенія души—перешелъ къ другой старообрядческой церькви, но и тамъ пробывъ не болѣе года почувствовалъ внутреннее влеченіе возвратиться къ истинной Церкви, и по примѣру заблуждшаго сына омывая слезами раскаянія ноги отца духовнаго — въ 1809 году, по благословенію Преосвященнаго Митрополита Амвросія, онъ съ женою дѣтьми и тестемъ, бывшимъ 35 лѣтъ въ расколѣ, торжественно вновь присоединенъ къ сынамъ Православной Церкви, и примѣромъ своимъ и совѣтами обратилъ до ше-

стидесяти человѣкъ отъ раскола къ Православію.

Въ 1820 году лишась первой жены и оставаясь съ 7 малолѣтными дѣтьми, Слѣпушкинъ хотѣлъ, чтобъ они не вовсе лишились матери.—Умной забавникъ—Зарѣцкой, полюбился дочери Рыбацкаго крестьянина, а она ему—и слажена свадьба. Молодая жена удивилась узнавъ чрезъ нѣсколько недѣль, что мужъ ея прозывается не Зарѣцкимъ, а Слѣпушкинымъ.

Рыбацкіе жители столько полюбили Зарѣцкаго, что переманили его на свою сторону, но ето очень опечалило Колонистовъ, которые прощаясь съ нимъ, дали ему въ знакъ благодарности ихъ — Аттестатъ за общею подписью и свидѣтельствомъ Пастора ихъ о честности и безкорыстіи добраго, услужливаго, гостепріимнаго Слѣпушкина. Съ тѣхъ поръ Слѣпушкинъ благословляя почтенныхъ господъ своихъ — сталъ, какъ говорится — *житъ припѣваючи.* Тогда то жена стала пѣть, а мужъ началъ стихи писать. Въ піэсѣ *Вечерѣ*—онъ описалъ видъ изъ Рыбацкой на другой берегъ Невы; въ піэсѣ *игра дѣтей* радостный отецъ представилъ рѣзвость своихъ милыхъ малютокъ; въ піэсѣ: *Перевозъ*, описалъ случай доставившій некогда ему щастіе спасти жизнь нѣсколькихъ человѣкъ, во время бури на Невѣ, ѣхавшихъ въ городъ изъ дома Пастора Фольборта, и которымъ Слѣпушкинъ по добродушію предложилъ и лодку и помощь.—Впрот-

чемъ первые стихи Слѣпушкина были вдохновеніе горести:—надгробіе первой женѣ его.

Слѣпушкинъ много обязанъ знакомству съ П. П. Свиньинымъ, который указалъ стезю его дарованію, давъ совѣтъ описать сельскую жизнь, и первый ознакомилъ публику съ крестьяниномъ поэтомъ въ любопытной статьѣ: Прогулка въ Шлиссельбургъ, помѣщенной въ Отечествен. Запискахъ.

Но склонность къ живописи обнаружилась въ Слѣпушкинѣ съ самаго дѣтства.—Еще по шестому году — онъ рисовалъ птичекъ, избушечки, и мѣльницы, — а краски его были: сокъ изъ черники и малины; въ послѣдствіи онъ получилъ охоту къ портретной живописи; списалъ портреты съ себя, жены своей, дѣтей, тестя, тещи, со священника слободы Рыбацкой, съ родныхъ, съ друзей, (*) даже съ двухъ своихъ прикащиковъ.— Многіе удивляясь сходству, въ которомъ особенное достоинство портретовъ Слѣпушкина, просили его писать портреты, и Слѣпушкинъ безденежно надѣлялъ портретами своихъ знакомцевъ и пріятелей. Наконецъ искуство Слѣпушкина такъ ославилось, что вдова купца Брюхова, который умеръ не заплатя Слѣпушкину довольно значущей суммы, которою Слѣпушкинъ ссудилъ его не на вексель—а на честное слово, заплатила сей долгъ Слѣпушкину, чтобъ только полу-

(*) Съ Ярослав. купца *Крупеникова*, съ Романов. купца *чскаго*, съ дочери купца *Терликова* и пр.

читъ отъ него портретъ ея мужа, написанный Слѣпушкинымъ по смерти Брюхова, единственно при помощи памяти и необыкновеннаго своего дарованія, которое и въ живописи и въ стихотворствѣ имѣло наставникомъ—одну природу. (*)

Проѣзжающіе чрезъ Рыбацкую могутъ короче познакомиться съ симъ почтеннымъ крестьяниномъ, который на сорокъ второмъ году— уже отецъ многочисленнаго семейства, имѣетъ трехъ сыновей, шесть дочерей, и при всемъ томъ еще успокоиваетъ съ сыновнимъ попеченіемъ старость осьмидесятилѣтняго тестя, отца его первой жены. —

(*) Слѣпушкинъ любитъ чтеніе, но не много имѣлъ времяни и случаевъ читать лучшихъ писателей. Онъ имѣетъ четкій и красивый почеркъ, пишетъ довольно правильно, и въ простомъ его разговорѣ блестятъ искры остроумія.

ДОСУГИ СЕЛЬСКАГО ЖИТЕЛЯ.

МОЛИТВА БОГУ.

О Боже милости, всесильный, безконечный!
Ты самъ раскрой во мнѣ всѣ помыслы сердечны,
Чтобъ могъ я изъяснить то слабою рукой,
Что чувствую въ душѣ, что вижу предъ собой.
Сынъ тлѣнія, ничто, — Создатель, предъ Тобою!
Могу ли безъ Тебя что сдѣлать самъ собою?
Послѣднему рабу Ты благодать яви,
И руку на труды мои благослови!...

ВЕСНА.

Оставя знойный югъ прекрасная весна,
Летитъ на сѣверъ къ намъ воздушными путями,
Чтобъ рѣки пробудить отъ долгаго ихъ сна,
И видѣться какъ мать, съ родимыми полями.
Минуты и часы дню краткому даритъ,
Природы долгъ святой повсюду соблюдаетъ;
И солнце восходя блистательнѣй горитъ:
Снѣжистые бугры лучами разрушаетъ!
Одинъ лишь утренникъ холодный по зарямъ
Пугаетъ путника морозомъ, какъ зимою;
Но солнце лишь взойдетъ, лучь броситъ по горамъ,
Снѣгъ въ воды превратитъ и гонитъ въ низъ
рѣкою;
Тогда откроются холмы среди полей,
Покрытые травой и нѣжными цвѣтами;
Предвѣстники весны летятъ изъ за морей;
Съ грачами жавронки несмѣтными стадами;
Въ кустарникѣ гремитъ пѣвецъ весеннихъ дней,
Пріятнымъ, трелистымъ, прерывчатымъ напѣ-
вомъ, —
Встрѣчаетъ мать весну съ подругою своей! —
И дикій звѣрь прилегъ внимательный подъ древомъ.
Пастухъ трубитъ въ рожокъ збирая скотъ съ
собой —
Въ зеленые поля понѣжиться травою.
Бѣгутъ всѣ изъ дворовъ увидѣться съ весною,—

На лугъ, — и ръзвятся шумливою толпой. —
Збираетъ земледѣлъ заботой окруженный
Свои орудія, на новыя труды;
Къ работѣ полевой душею устремленный —
Увидитъ радостно обильные плоды.

ПРАЗДНИКЪ.

Пасха Святая въ Руской землѣ,
Праздниковъ праздникъ, у всѣхъ торжество,
Всѣмъ открываетъ къ веселью пути.

* *

Только ударитъ полуночи часъ,
Всюду раздастся звонъ колокольный,
Радостно онъ отзовется въ сердцахъ!

* *

Тогда торопливо спѣшатъ всѣ крестьяне
Къ Божьему храму; сіяетъ домъ Божій!
Молитвы отъ чистаго сердца летятъ!

* *

При пѣньи торжественномъ съ радостью въ лицахъ,
Крестьяне взаимно поздравя другъ друга,
Семьями идутъ разговляться домой.

* *

Дѣвушки красныя, послѣ обѣда;
Розѣ подобно, лицо нарумяня —
Ленты богатыя въ косы вплетутъ.

* *

Шитыя съ гасомъ надѣнутъ повязки,
Красныя ферези съ разной уборкой,
Снѣгу подобныя ихъ рукава.

* *

Выдутъ на улицу, станутъ сходиться,
Дѣвица дѣвицѣ съ улыбкой: здорово!
Плавно къ гулянью пойдутъ на лужокъ.

* *

Гдѣ хороводы, и мячь, и горѣлки —
Нѣжныя пѣсни, стройной порядокъ,
Въ чужѣ у каждаго сердце плѣнитъ!

* *

Строй молодецкой, частой походкой,
Въ красныхъ рубахахъ, поярковыхъ шляпахъ,
Въ коихъ блистаетъ павлино перо, —.

* *

Съ громкою пѣсней, съ звонкой свирѣлью,
Къ краснымъ дѣвицамъ, той же тропинкой —
Всѣ соколами летятъ молодцы.

* *

Вкругъ соберутся, ровно, рядами,
Дѣвушка съ парнемъ, врозь разойдется;
Съ милой улыбкой пройдутъ козачка.

* *

Дѣдъ сѣдовласой пѣчку оставя,
Съ доброй старухой выйдетъ изъ дому;
Маленькихъ внучатъ несутъ на рукахъ.

* *

Шагомъ нетвердымъ, къ старому дубу
Сберутся сосѣди, на посохъ склонясь,
Рѣчь заведутъ о былой старинѣ.

* *

Какъ проводили прежніе годы?
Гдѣ что бывало? гдѣ что видали?
Весело, дружно — какъ время вели:

* *

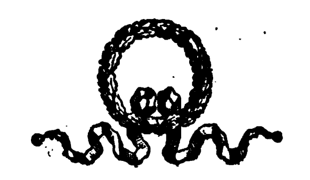
Бѣгаютъ въ травкѣ внучаты роясь;
Рѣзвыя бабочки вкругъ ихъ летаютъ,
Любуясь на пестрыхъ малютки кричатъ!

* *

Вѣтеръ чуть дышетъ въ вечеръ спокойный;
Тихо находитъ ночь съ темнымъ покровомъ;
Звѣзды вечернія свѣтъ издаютъ.

* *

Кончивъ святой день пріятно и мирно,
Всѣ собираются въ домы гурьбою,
Старой и малой идутъ на покой!!

ИГРА ДѢТЕЙ.

По долинѣ межъ кустами,
Ручеекъ шумѣлъ, сверкалъ;
Подъ тѣнистыми дубами
На травѣ старикъ лежалъ.
Тамо вкругъ его играли
Малыхъ нѣсколько дѣтей,
И рѣзвясь цвѣты збирали —
И бросали ихъ въ ручей;
И смотрѣли, какъ струями
Быстро бьетъ вода на низъ,
А по берегу стадами
Овцы бѣлыя паслись.
Тамо — вздумали ребяты
На пригорочкѣ крутомъ,
Строить тeремы, палаты,
Разводить сады кругомъ;
Дружно, спѣшно принялися,
Всѣ малютки за труды;
И какъ пчелки разбрелися
За припасомъ, кто куды:
Старшій Саша суетился,
Дому онъ строитель былъ;
Лѣсъ у Ванюшки рубился,
Миша садикъ разводилъ.
Полонъ прудъ уже водою —
Рыбой онъ насаженъ былъ;

Петя удой власяною
Пискарей имъ наловилъ. —
Дѣти разныя забавы
Продолжали весь тотъ день;
Но въ закатѣ лучь багряный
Разстилалъ древесну тѣнь;
Солнце за лѣсъ уклонялось,
Рдѣлись въ небѣ облака;
Сквозь тумана загаралась
И заря изъ далека.
Ночь спѣшила съ темнотою,
И старинушка, — дѣтей
Для вечерняго покою
Въ домъ повелъ къ семьѣ своей.

Время свѣтлое, любимо!
Нашей жизни красота,
О невинныя лѣта,
Вы проходите незримо!

УТРО.

На небѣ сумракъ изчезаетъ,
Въ востокѣ рдѣется заря;
Луна чело свое скрываетъ, —
Блистаетъ лучь свѣтилъ Царя.

* *
*

Встрѣчаютъ утро золотое
Пѣвцы на нивахъ и древахъ,
Зовутъ на поле муравое
Стада — свирѣлью въ деревняхъ.

* *
*

Отецъ всѣхъ раньше пробудился,
Мольбы отъ сердца изливалъ;
Отцу Небесному молился! —
Дѣтей къ трудамъ благословлялъ.

* *
*

Пчелиному подобясь рою,
Спѣшили дѣтушки къ трудамъ,
Одной работая душою —
Въ лѣсу, при домѣ, по полямъ.

* *
*

Старушка съ малыми дѣтями,
Кого цвѣточкомъ надѣлитъ,
Игрушкой тѣшитъ, иль словами;
Кого журитъ, кому грозитъ.

* *
*

Невѣстка старшая кругъ печи,
Другія козъ, коровъ доятъ;
Всѣ слушаютъ отъ старшей рѣчи —
И въ дѣлѣ муравьемъ кипятъ.

* *
*

Кто дворъ, кто избу примѣтаетъ,
Кто кормитъ куръ, гусей, цыплятъ,
Кто шерсть съ овечекъ остригаетъ,
Лелѣетъ смирненькихъ ягнятъ,

* *
*

Никто безъ дѣла не бываетъ
Въ домахъ у мирныхъ поселянъ. —
Съ весельемъ всякой работаетъ, —
А праздность въ диво у крестьянъ.

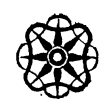

ИЗБА.

Я о мирной жизни сельской
Вамъ хочу сказать, друзья!
Какъ въ тиши здѣсь деревенской
Добрая живетъ семья.
Старой домъ съ двумя окнами,
Весь соломою покрытъ;
Въ немъ и верьхъ, и со стѣнами —
Все простой имѣетъ видъ.
Тамо видѣлъ я Икону!
Впереди она стоитъ;
Передъ неюжъ по закону —
Свѣчка жолтая горитъ.
Столъ большой, и весь дубовой
Не накрытъ стоитъ ни чѣмъ;
Лишъ одинъ корецъ кленовой,
Съ добрымъ пивомъ былъ на немъ!
Лавки съ чистыми скамьями
Въ той избѣ вокругъ стоятъ;
Шубы рядышкомъ висятъ,
Чинно, вмѣстѣ съ зипунами.
Полки съ кринками, съ горшками,
Все опрятно, на урядъ.
Пѣчь большая; — тамъ полати
Гдѣ семья ночной порой
Спитъ равно какъ на кровати,
По трудахъ своихъ зимой.

Колыбель съ дитей висѣла,
Тамъ его покоилъ сонъ;
Мать при немъ тогда сидѣла,
Пряжу вила съ веретёнъ.
Дѣдъ на пѣчкѣ, и съ дѣтями
Сидя, лапотки плѣтетъ,
И веселыми словами
Про старинушку поетъ!
На скамьяхъ же за гребнями
Пряжу дѣвушки прядутъ;
Бабы сидя за станами,
Пестредь, холстъ и сукны ткутъ.
Съ ними бабушка родная
Всей семьѣ заводитъ рѣчь:
„Въ чемъ же прибыль намъ большая,
„Что всего нужнѣй беречь?
Всѣ задумавшись молчали
Передъ бабушкой тогда;
Словъ ея не отгадали,
Шелъ лишъ свистъ съ веретена.
Тутъ старушка имъ сказала:
Вотъ что намъ всего нужнѣй!
И на пѣчку указала. —
Жить бы намъ не льзя безъ ней.
Въ стужу пѣчь насъ согрѣваетъ,
Хлѣбъ готовитъ для людей;
Сердце старца утѣшаетъ,
Онъ покоится при ней!
Вспомнитъ годы молодые;
Тутъ же дѣтушкамъ игра;

Самой дымъ для насъ родныя,
Много дѣлаетъ добра!
Примѣчайте, какъ затопитъ
Баба пѣчку на зарѣ,
Дымъ густымъ туманомъ ходитъ
Въ это время по избѣ.
Тѣмъ онъ сырость извлекаетъ,
И клубясь уйдетъ трубой. —
Пѣчь здоровье доставляетъ,
Даетъ и бодрость и покой.

РАЗМЫШЛЕНІЕ ПОСЕЛЯНИНА.

Румяная заря зардѣлась на востокѣ,
Блистаетъ лучь златой на тихомъ водъ потокѣ
Сокрылася луна блѣднѣя въ небесахъ,
Раздались хоры птицъ, сидѣвшихъ на древахъ!
Плѣняясь яснымъ днемъ и пѣньемъ птицъ не-
бесныхъ,
И видами лѣсовъ, полей, луговъ прелестныхъ,
Выходитъ изъ избы смиренный земледѣлъ.
На небо прекрестясь, на пнѣ дубовомъ сѣлъ.
Вся въ чувствѣ радостномъ душа его пылала,
Отъ устъ его хвала Владыкѣ излетала!
Тогда онъ размышлялъ о прежнихъ временахъ,
Какъ жили праотцы спокойно въ шалашахъ,
Въ поляхъ паслись стада верблюдовъ, коней ди-
кихъ,
Коровъ, овецъ, ословъ и буйволовъ великихъ.
Нуждъ горькихъ и заботъ не вѣдалъ человѣкъ.
Въ избыткѣ протекалъ его спокойный вѣкъ.
На нивахъ дважды въ годъ серпы жнецовъ свѣ-
тлѣли,
Повсюду текъ имъ медъ, вездѣ плоды имъ зрѣли.
Не толи солнце здѣсь, не тѣ ли небеса?
Со вздохомъ онъ сказалъ, скатилася слеза.
Тѣ жъ землю облака дождями напояютъ,
И росы въ знойный день цвѣтъ нѣжный оро-
шаютъ,

Но менѣе плодовъ въ сравненьи тѣхъ времянъ,
И часто слышится вздохъ бѣдныхъ поселянъ —
Какъ будто бы земля скупѣе становится.
Желѣзо ли не то, что къ дѣлу не годится?
Иль руки ихъ слабѣй? иль трудъ ихъ нерадивъ?
Нѣтъ, Божій гнѣвъ на насъ, что заповѣдь забывъ —
Мы любимъ суету, отъ зла не убѣгаемъ;
И ближняго судя, себѣ всегда прощаемъ.
Сказалъ — и прослезясь съ сердечною тоской —
Онъ на востокъ взглянулъ — и тихо шелъ домой.

ВЕЧЕРЪ.

Часъ седьмый какъ дня ударилъ;
Вечеръ былъ ужъ на дворѣ.
День еще мой вѣкъ убавилъ . . .
Я сказалъ тогда себѣ;
Побреду я до сумерекъ
На рѣку Неву смотрѣть;
На крутой зелёной берегъ!
Чѣмъ все дома мнѣ сидѣть.
Часъ отъ часу солнце ниже,
Опускалось на лѣса;
Вѣтеръ съ моря сталъ потише,
И зардѣлись небеса! . . .
Разноцвѣтныя картины —
Отразились на водахъ;
Позлащалися долины
И вершины на древахъ!
Вдоль по берегу стояли
Домы мирныхъ поселянъ;
Злачный берегъ украшали;
Иностранныхъ то крестьянъ. —
Съ поля гнали скотъ рогатой,
Близясь къ дому быкъ рычалъ;
А дубинкой суковатой
Тамъ пастухъ лѣнивыхъ гналъ.
Въ стадѣ тучныя бараны,
Разсердясь другъ друга бьютъ;

Всюду барокъ караваны —
По Невѣ на низъ плывутъ.
Вёселъ шумъ, и голосъ пѣсенъ
Раздавался по водамъ;
Разносился гулъ чудесенъ,
Повторяясь по лѣсамъ.
Въ верьхъ по берегу рядами
Бурлаки шумя идутъ,
Тянутъ судны бечевами
Внутрь Россіи, въ дальный путь.
Въ заводяхъ, тогдажъ мелькали,
Лодки смѣлыхъ рыбаковъ. —
А другіе вытягали
Неводъ силой воротовъ. —
Тихо сумракъ ночь смѣняла,
Опускалась въ долъ роса;
И въ долинѣ исчезала —
Вся пріятность и краса!
Такъ превратно подъ луною;
Вѣкъ проходитъ какъ сей день.
Время острою косою
Все повергнетъ въ смертну тѣнь!

ЖЕНИДЬБА ПОСЕЛЯНИНА.

ЗГОВОРЪ.

Близъ Рязани, за Москвою, въ Государевомъ
селѣ,
Былъ крестьянинъ, жилъ богато, — и отецъ въ
большой семьѣ.
Покровенный сѣдиною,caновитъ и бодръ душой,—
Строгой видъ имѣлъ, — но добрый, съ откровен-
ной — простотой!
Сей заботливый хозяинъ, вздумалъ внука —
оженить,
И семейству о невестѣ поспѣшаетъ объявить.
„Такъ, сказалъ онъ, мнѣ охота все исправить
при себѣ,
„И увидѣть, какъ жить будетъ внукъ съ женой
въ своей семьѣ.
„Я примѣтилъ въ Борхахъ дѣвку красовитую
собой,
„Ей случалось не однажды разговаривать со мной.
„Скромной видъ ея пріятенъ, рѣчь съ разсудкомъ
говоритъ;
„Естьлибъ было всѣмъ по мысли, то Господь
благословитъ!
Гдѣ же лучше? тутъ старуха проворчала ста-
рику,
Мы слыхали, домъ ихъ честной, дѣвка пара же-
ниху.

Тутъ семейство отвѣчало: мы согласны нашъ родной,
И что дѣло — то ужъ дѣло, — не поспоримъ мы съ тобой!
Такъ ужъ дѣти, запрягайте пару сивыхъ лошадей,
Я отправлюсь прямо въ Борхи, ждите скоро вы вѣстей.
Сѣлъ старикъ, помчали кони, подъ ногами пыль столбомъ,
Черезъ Трубежъ переѣхалъ, и старикъ ужъ предъ дворомъ.
Тамъ смѣкнули, что недаромъ гость къ воротамъ прикатилъ,
И спокойствіе невѣсты въ страхъ и радость превратилъ:
Дому добраго хозяинъ встрѣтитъ гостя поспѣшалъ
Просимъ жаловать, родимой, въ избу кланяяся — звалъ.
Сватъ взошелъ и помолился, всѣмъ поклонъ по череду.
И усаживаютъ гостя въ переди, въ большомъ углу:
Рѣчь пріѣзжій гость заводитъ, для чего пріѣхалъ къ нимъ,
„Не вино пить съ добрымъ пивомъ, а чтобъ здѣлаться роднымъ,
Говорилъ старикъ съ улыбкой, старику же въ томъ дому.
Время просить для совѣта, поклонясь, семья ему!—

Дѣдъ спросилъ сперьва невѣсту — и отца ея и мать,
Есть ли доброе согласье, или свату отказать?
Тутъ невѣста промолчала, взоръ потупивши стоитъ;
Съ Богомъ! Дѣдушка родимой! пусть Господь благословитъ!
Мать сказала, входятъ въ избу, всѣ садятся по скамьямъ;
Дѣды взяли въ руки полы, и съ молитвой по рукамъ.
По старинному повѣрью они хлопали полой!
И какъ должно наблюдали весь порядокъ круговой;
Тутъ родная мать спѣшила съ хлѣбомъ солью вкругъ стола,
Наливалъ отецъ изъ фляги, чару пѣннаго вина;
Прежде всѣхъ подноситъ свату, проситъ выпить все до дна,
И съ привѣтнымъ величаньемъ ниско кланялась родня.
Доброй сватъ призвалъ невѣсту, и садиться ей велитъ,
И тогда онъ самъ невѣстѣ два крестовика даритъ.
Послѣ дружбы, послѣ пира, сватъ коней подвесть просилъ,
За хлѣбъ, за соль, онъ съ поклономъ отъ души благодарилъ;
Сѣлъ, хлеснулъ коней возжами, кони птицею летятъ!

Приближается онъ къ дому, и на встрѣчу всѣ спѣшатъ.
Подалъ знакъ старикъ веселый! догадалася семья;
Вѣсти добрыя везутся, тутъ сказали сыновья!
Дѣло кончено ужъ дѣти, ожидайте прибыль въ домъ!
Завтре рано поѣзжайте на кружало за виномъ.

ДѢВИШНИКЪ.

Протекли ужъ двѣ недѣли, день дѣвишника
настал ъ.
Сватъ къ невѣстѣ собираясь всю родню свою
сзывалъ.
Взялъ пирогъ съ собой огромной, часть барани-
ны жаркой,
Пива добраго боченокъ, флягу водки золотой!
Поздо въ вечеръ на дѣвишникъ покатили въ Бор-
ховъ всѣ.
И пріѣхавъ, помолились; свахи стали по себѣ!
Тутъ стаканы полны пива прежде всѣхъ под-
носятъ имъ,
Обмѣнившись ими трижды, знакъ даютъ онѣ род-
нымъ;
Всѣ до дна пьютъ, въ завѣтъ дружбы! такъ ве-
лося въ старину,
А потомъ и угощенье всѣмъ по сердцу своему!

СВАДЬБА.

Въ воскресенье, близъ вечеренъ, весь былъ поѣздъ на дворѣ,
Все тамъ дружки учреждали по глубокой старинѣ.
Мать, отецъ, уже держали образъ прямо предъ собой,
И женихъ тогда подходитъ, къ нимъ съ усердною мольбой;
Тутъ его благословляютъ, миръ на путь ему даютъ,
И кругъ поѣзда икону троекратно обнесутъ;
Вотъ изъ дома выѣзжаютъ дружекъ четверо верьхомъ,
Тутъ за ними старшій дружка ѣдетъ вмѣстѣ съ женихомъ.
Поѣздъ парами, въ телѣгахъ, ѣдетъ въ смурыхъ зипунахъ,
Съ мѣдью збруя вся на коняхъ, колокольчики въ дугахъ!
Въ мигъ доспѣли въ домъ невѣсты, гости новые тогда:
Но у свата въ ту минуту на запорѣ ворота.
Вдругъ широкія вороты отворяются для нихъ;
Прежде всѣхъ на дворъ въѣзжаетъ съ главнымъ дружкою женихъ;
Входятъ въ избу, — гдѣ съ иконой дожидали мать съ отцомъ,

Руку взялъ женихъ невѣсты, приложились, и потомъ
Ихъ ведетъ проворный дружка, по застолью на мѣста,
Гдѣ лежала на изнанку шуба новая тогда;
Тесть стаканъ наливши пива, къ зятю милому спѣшитъ,
Теща вышитой рѣдинкой, утираетъ и даритъ.
Всѣхъ гостей виномъ и пивомъ — обнесли они вокругъ;
Всѣ сидѣли гости тихо, и потомъ поднялись вдругъ!
И крестились на икону, выходя изъ за стола.
Лишь съ поклономъ за хлѣбъ, за соль, — и звонятъ колокола!
И къ погосту, — гдѣ Священникъ тайну брака совершилъ!
Съ женихомъ садился рядомъ, и къ родителю спѣшилъ.
Тутъ летѣли рѣзвы кони; шумъ и звонъ колоколовъ —
Умножался по дорогѣ отъ привѣтныхъ голосовъ.
Будьте щастливы! кричали: съ Афросиньею Иванъ!
Такъ въ то время молодые назывались у мирянъ.
Въ домѣ ждутъ ихъ женихововъ, въ ту минуту на дворѣ;
Хлѣбъ и соль уже стояли, все готово на столѣ.
Лишь къ воротамъ; Дѣдъ поспѣшно хлѣбъ разрѣзалъ пополамъ:
Съ нимъ постельники стояли у воротъ по сторонамъ

Мать, отецъ, и Дѣдъ почтенной встрѣтить съ образомъ идутъ,
Бабка жъ тутъ на новобрачныхъ посыпала хмѣль изъ рукъ.
Ихъ съ молитвой двое дружекъ, какъ Бояръ большихъ вели;
А за ними поѣзжане, веселяся чинно шли.
Полилось вино и пиво, изобильною рѣкой!
И тогда-то, въ полной мѣрѣ, начался ихъ пиръ горой!
Но разсудка не достанетъ все весёлье описать,
Что жъ бываетъ въ это время, можно всякому понять!

ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

Настанетъ день весны, день Троицынъ Святой:
Тогда луга, поля, одѣнутся травой,
Зазеленѣются и рощицы — съ садами,
Чемъ свѣтъ пойдутъ въ лѣса крестьяне съ топорами;
Березокъ молодыхъ себѣ нарубятъ тамъ,
Предъ домомъ насадятъ, и въ домѣ по угламъ.
Навѣсятъ и цвѣты, и ленты дорогія. —
Поставятъ столъ подъ тѣнь, и яствы ихъ простыя;
Вездѣ у нихъ весна, и все какъ садъ цвѣтетъ,
Все дышетъ радостью и къ радости зоветъ. —
Лишь кончится обѣдъ, то дѣвушки съ парнями,
Въ нарядѣ праздничномъ, схватившися руками,
Съ березкою пойдутъ всѣ съ пѣснями въ лѣсокъ,
Гдѣ каждая совьетъ красавица вѣнокъ!
И каждая вѣнкомъ съ подругою мѣняясь,
Цалуясь сквозь вѣнки, руками вкругъ сплетаясь,
Березку расцвѣтивъ — про липыньку поютъ!
И къ дому чрезъ поля съ молодками идутъ.
Пришли, предъ домомъ ихъ становятся рядами,
Попарно пляшутъ въ ладъ подъ звукъ рожка съ гудками;
Ихъ матери, отцы, и малыхъ строй ребятъ,
И бабушки на нихъ любуяся глядятъ;

А въ домѣ между тѣмъ веселья въ довершенье,
У нихъ для всѣхъ равно готово угощенье;
Съ гульбы идутъ за пиръ, и съ пира по домамъ,
А утромъ, лишь заря, — готовы всѣ къ трудамъ.

ГРОЗА.

Воскресный красный день гулянье въ деревняхъ!
Кто въ полѣ былъ тогда, въ лѣсу, иль на лугахъ,
Съ природой празднуетъ, всѣ чувства услаждаетъ;
Но тучи набѣгутъ, и солнце изчезаетъ,
И мракъ со всѣхъ сторонъ обложитъ небеса.
Крутится вихрь вдали, сближается гроза;
Но вотъ уже въ близи пыль клубомъ завилася,
Отъ вихря зашумѣвъ вся роща потряслася.
Трепещутъ птички всѣ колеблясь съ ихъ гнѣздомъ.
Лишь ласточки однѣ повсюду залетаютъ,
Кружатся надъ водой, и въ воздухѣ мелькаютъ;
Сверкаетъ молнія, вдали грохочетъ громъ;
Уже бѣгутъ съ полей примѣтя сильну грозу;
Кто прячется подъ дубъ, кто жмется подъ березу,
И имя Божіе съ молитвою зоветъ.
Вдругъ блещетъ молнія, громъ разразился въ слѣдъ,
Столь грозный силою, стремительный въ порывѣ,
Что люди пали ницъ — какъ сжатый классъ — на нивѣ;
Дождь ливнемъ зашумѣлъ, но мракъ рѣдѣтъ ужь сталъ,
Открылася лазурь, лучь солнца заблисталъ;

Пернатые пѣвцы въ лугахъ, въ лѣсахъ запѣли,
Раздался тихій звукъ пастушеской свирѣли,
И сердце путника исполнили отрадъ —
Природы тишина, и поля ароматъ.

ПИРЪ.

Въ селѣ ли праздникъ храмовой,
У старшаго ли имянины,
Случатся ль къ радости крестины,
У мужичка тутъ пиръ горой.
Друзей, родню онъ созываетъ,
И пива котликъ наваритъ;
Ведро сивушки сготовляетъ,
Барана, свинку снарядитъ,
Цыпляmокъ въ пироги управитъ,
И полны блюды пироговъ;
Похлебки въ разной вкусъ наставитъ,
И пиръ совсѣмъ уже готовъ;
Столы накрыты скатертями,
Хлѣбъ, соль тутъ, пиво и съ ковшами.
Съ часу на часъ гостей всѣ ждутъ:
Вотъ гости ко двору идутъ!
Встрѣчаетъ ихъ старикъ съ дѣтями,
Съ поклономъ, добрыми словами.—
Лишь чрезъ порогъ, всѣ къ образамъ;
Садятся чинно по скамьямъ,
Сошлись ли всѣ, тутъ поклоняся,
За столъ хозяинъ проситъ ихъ,
И гости встали помоляся;
Всѣхъ выше старшіе въ родныхъ,
А тамъ садились чинъ по чину,
Въ другую жёны половину.

Съ гостями дѣдушка родной
Шутя примѣръ давалъ собой;
Сынъ съ чарами гостей обноситъ
И выпить все усердно проситъ.
Кто пьетъ, желаетъ всѣмъ добра
На перечетъ, — и пьютъ до дна;
Хозяйки просятъ хлѣбомъ-солью,
Во здравье ѣсть и пить съ любовью!
Пируютъ гости за столомъ.
Тамъ въ рѣчь старикъ со старикомъ,
Что видѣли они, слыхали, —
Какіе въ старь Цари бывали,
Когда война, куда походъ,
Когда бывалъ голодной годъ?
Всѣ слушаютъ ихъ за обѣдомъ,
Не смѣлъ начать рѣчь внукъ предъ дѣдомъ,
И скромно — кончится обѣдъ.
Спасибо отъ гостей идетъ;
Бредутъ всѣ въ розсыпь для гулянки,
Кто въ поле, кто къ цвѣтамъ лужайки,
Кто въ садъ съ хозяюшкой идетъ;
Ей съ вѣтки ягодку сорветъ!
Подъ яблонь сядутъ иль прилягутъ,
И дружно пѣсенку затянутъ:

Ахъ, сѣдая борода!
Не заглядывай сюда, —
Свои рѣчи заводи,
Какъ по мыслямъ, такъ суди;

Хоть за пѣсню насъ брани,
А изъ саду не мани!
Здѣсь приволье погулять,
Здѣсь охота поиграть!
Не журя насъ, старой дѣдъ,
Намъ поменьше будетъ лѣтъ;
Тебѣ все за суеты,
А мы рвемъ себѣ цвѣты!

Такъ день въ весельи протекаетъ;
Вотъ лучь отъ солнца чуть мелькаетъ . . .
И ночь все кроетъ темнотой,
Тутъ всѣ къ повозкамъ, — и домой!

СБОРЪ ГРИБОВЪ И ЯГОДЪ.

Какъ наше любезное лѣто настанетъ,
Намъ ягодъ приволье, безъ счету грибовъ!
Лишь утромъ отъ солнца лучь яркой проглянетъ —
И голосъ раздастся пастушьихъ роговъ,
Краснаго лѣта пріятной порою:
Идутъ торопливо дѣвицы въ лѣса,
Взяли корзинки, набирки съ собою,
Льются въ дремучемъ дѣвицъ голоса.
Тамъ разошлись раздѣлясь деревами,
И ягодъ искали, склонясь межь кустовъ,
Подъ елью высокой, въ моху подъ листами
Счастливо находятъ тамъ бѣлыхъ грибовъ;
Какъ бархатъ краснѣетъ грядой земляника,
Увидѣвъ дѣвица, какъ къ кладу спѣшитъ;
Радостно сердце, — находка велика!
Збираетъ въ корзинку, и далѣ глядитъ.
Товаркамъ любезнымъ ау! повторяетъ;
Къ ней паренъ красивой тотчасъ подбѣжалъ,
Взглянула, — на сердцѣ боязнь ощущаетъ,
Не бойся Анюта, ей паренъ сказалъ.
Привѣтное слово, съ пріятной улыбкой
Дѣвицѣ любезной Иванъ изъявлялъ,
Анюта краснѣла склонясь надъ корзинкой,
Онъ ягодъ въ услугу сбирать пособлялъ.
Скажика Анюта, зачѣмъ оробѣла?
Взгляни веселѣе, — Иванъ повторялъ;

Со мною, ты помнишь, — въ бѣседѣ сидѣла,
И помнишь, съ тобою я въ жмурки игралъ?
Желаешь ли вѣрно ты быть мнѣ женою?
То съ чистой душою, и руку мнѣ дай:
Но есть ли не хочешь быть вѣчно со мною,
Скажи, что не буду? — на вѣки прощай!
Анюта стыдяся взглянула умильно,
Отъ добраго сердца летитъ ея вздохъ;
„Коль матушкѣ милой не будетъ противно,
„Тебѣ я дамъ руку, свидѣтель въ томъ Богъ!

КРЕСТНОЙ ХОДЪ.

Въ день Спаса перваго (*) ходъ Крестной на водѣ,
Ведется съ давнихъ лѣтъ въ Рыбацкой слободѣ.
Вотъ часъ уже насталъ Обѣднѣ и моленью:
И звонъ колоколовъ раздался по селенью!...
Въ Домъ Божій всѣ идутъ въ нарядѣ дорогомъ,
Оставя бабушкамъ присмотръ за всѣмъ дворомъ.
Обѣдню отслуживъ—къ рѣкѣ идутъ съ Крестами,
Хоругви вѣющи несутъ предъ Образами!
Въ благоговеніи Священникъ со Крестомъ,
И въ облаченіи весь причетъ золотомъ.
Молитвенный ихъ гласъ до неба возносился!
И весь народъ во слѣдъ Всевышнему молился.
Постарше кто изъ нихъ, всѣ впереди идутъ,
И дѣти съ радостью со всѣхъ сторонъ бѣгутъ.
За ними женщины, мущины пожилые,
И новобрачные, попарно, молодые! —
За ними молодцы безъ шляпъ на ихъ кудряхъ,
Въ кафтанахъ голубыхъ,— Персидскихъ кушакахъ,
И тихою стопой дѣвицы шли рядами;
У всѣхъ прикрыта грудь цвѣтистыми платками!
Тѣ въ штофныхъ ферезяхъ, другіе въ парчевыхъ,—
Богатство ихъ блеститъ на лентахъ золотыхъ.
Свершилось съ торжествомъ водъ Невскихъ —
освященье!
И добрыхъ поселянъ усердное моленье;

(*) 1-го Августа.

Священникъ окропилъ тамъ всѣхъ—Святой водо
И въ радости народъ къ обѣду шелъ домой.
Нарядовъ виды всѣ пріятно тамъ смѣшались ,
Какъ въ полѣ бъ всѣ цвѣты отъ вѣтра коле
бались!

БѢДСТВІЕ.

Предвѣстникъ бѣдъ летѣлъ, то воронъ черно-
крылый;
Кружася надъ селомъ, умножилъ крикъ унылый.
Примѣта стариковъ: гдѣ воронъ прокричитъ,
Навѣрно тамъ судьба бѣдою посѣтитъ!
Въ день жаркой облака громовыя бѣжали,
И вихри сильныя віяся засвистали!
Пыль тучею летитъ, и въ воздухѣ душнѣй —
Блескъ молній въ небесахъ какъ бы пожаръ —
разлился;
Внезапно страшный громъ по небу разразился,
Полъ-дома рухнуло, и пламень заревѣлъ!
„Спасите, закричалъ полмертвый земледѣлъ.
„Жена и дѣти тамъ! Домъ занялся, пылаетъ!
У всѣхъ бѣда въ глазахъ и всякъ себя спасаетъ,
А пламень между тѣмъ умножился сильнѣй.
Жизнь всякому своя — какъ говорятъ милѣй!
Но есть и добрые: изъ ближняго селенья —
Усердные бѣгутъ къ несчастнымъ для спасенья,
И видя бѣдный домъ, постигнутый бѣдой, —
Одинъ изъ нихъ готовъ пожертвовать собой.
Закрылъ онъ зипуномъ лицо, — изба пылала!
Бѣжитъ въ среду огня, схватилъ дѣтей сна-
чала,
Ихъ вынесъ, и потомъ за матерью спѣшитъ.
Съ потерей силъ своихъ несчастную тащитъ.

Спасъ, но безъ чувствъ упалъ.—Съ простертыми
руками
Бѣгутъ къ нему, хваля и сердцемъ и устами,
Что онъ троихъ исторгъ отъ смерти роковой
И вмѣсто мзды кропятъ признательной слезой.
Блаженъ, кто жизнь свою въ спасенье ближнихъ
ставитъ!
Господь хранитъ его, и здѣсь и тамъ прославитъ!

ПЕРЕВОЗЪ.

Былъ я побѣднѣе, былъ и посмѣлѣе,
Былъ тогда моложе, бѣгалъ поскорѣе;
Я вставалъ до солнца, въ полѣ какъ батракъ.
Сталъ я подюжѣе, всё идетъ не такъ;
Разъ случилось въ полночь: съ добрыми гостями,
Ѣхалъ чрезъ Неву я, бурную волнами;
Вѣтеръ дулъ свирѣпый, небо крылось мглой,
Невидать сквозь вьюгу, что и предъ собой.
Насъ тогда вздымало — какъ горой, волною,
То ударитъ въ бездну, грянемся кормою!
Гости съ мѣстъ упали, плачутъ и кричатъ:
Помоги, любезный! помоги намъ братъ!
Насъ спасешъ отъ смерти, всё бери, что съ нами,
Лишь не дай погибнуть въ бурю подъ волнами!
Ну, держитесь крѣпче! — я кричать имъ сталъ;
Кому жить, живъ будетъ; какъ умѣлъ—спасалъ,
Умереть такъ вмѣстѣ, двухъ смертей не бойтесь,
Милосердъ Создатель, вы же успокойтесь!
Только что я молвить слово имъ успѣлъ,
Вдругъ гальетъ, какъ птица мимо пролетѣлъ —
И вода подъ нами бурей закипѣла;
Смаху насъ какъ вихремъ быстро завертѣла!
Только что не вырвались веслы вонъ изъ рукъ.
Вижу я погибель, но решивъ былъ духъ,

Съ сердцемъ я ударилъ по валамъ веслами,
Расхлеснулъ, и доплылъ къ берегу съ гостями;
Замертво лежали, но опомнясь тутъ,
Другомъ называютъ, золота даютъ;
Все при васъ, сказалъ я, ничего не нада,
Живы, слава Богу! мнѣ и то награда.

ПАМЯТЬ

ПОКОЙНОМУ ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ ГРАФУ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ДИВІЕРУ! МОЕМУ ПОЧТЕННѢЙШЕМУ КУМУ И ДРУГУ.

Друзья мои! Когда-нибудь случится,
За быстрою Невой гулять вамъ въ жаркой день,
Тамъ свѣтлыя струи зовутъ васъ прохладиться,
Тамъ манитъ дерево подъ тѣнь; —
Идите прямо вы семнадцатой верстою,
Увидите тамъ домъ раскрытой и худой,
Стоитъ на берегу разметанный грозою!
Тамъ нѣкогда жилъ мужъ вамъ памятный душой:
Онъ въ мірѣ — въ тишинѣ, съ немногими семьями,
Досуга время раздѣлялъ;
Былъ часто окруженъ невинными дѣтями,
И вмѣсто матери лѣлеялъ ихъ, ласкалъ. —
Зайдетъ ли кто, — онъ всѣхъ съ сердечной простотою,
Привѣтно угощалъ, и всякому былъ радъ,
Пріемля всѣхъ равно, кто бѣденъ иль богатъ,
Садиться ихъ просилъ, бесѣдовать съ собою;
Но рокъ его сразилъ! лишилъ насъ свѣтлыхъ дней!
Лишились друга въ немъ, какъ объ отцѣ жалѣли!
Пріюта мирнаго не стало для семей,
И въ чужѣ мы по немъ душой осиротѣли.

Вотъ восемь лѣтъ прошло, какъ онъ сномъ смертнымъ спитъ
И домъ заросъ травой! пустымъ — онъ пустъ стоитъ.
Знакомыхъ и родныхъ къ себѣ не призываетъ;
И вѣрный песъ его встрѣчать невыбѣгаетъ!
Оставя шумный миръ, любившій тишину,
На вѣки перешелъ въ покойную страну,
Гдѣ нѣтъ печали, слезъ, заботы безполезной!
Гдѣ царство тишины небесной, безмятежной,
Мы, окруживъ твой прахъ, добра почтенный другъ!
Какъ будто бы еще здѣсь свидѣлись съ тобою;
Любовію къ тебѣ питаемъ скорбный духъ,
И камень твой кропимъ горячею слезою!

КРЕСТИНЫ.

Скоро бабушка спѣшила
Къ дѣду доброму въ овинъ,
И пришедши говорила:
Что родился въ домѣ сынъ!
Внучекъ намъ, какъ говорится:
Дѣдъ безъ памяти былъ радъ!
И снявъ шапку, ну молиться;
Прародительскій обрядъ! —
Свой приборъ кладетъ на полку,
Поспѣшалъ онъ сколько могъ,
Изъ коробки взявъ мошонку,
Внучку сунулъ на зубокъ.
Бабка рюмочку родному,
И сама то жъ вмѣстѣ съ нимъ —
По обычаю простому,
И крестясь поклонъ роднымъ. —
Съ милымъ внукомъ дѣдъ поздравилъ,
Чаркой пѣннаго вина;
Доброй сынъ къ тому прибавилъ
По другой, и самъ до дна.
День прошелъ, иль два, пиръ снова,
И Крестины у селянъ!
Кумъ, кума, родня готова,
Вотъ съ младенцемъ въ Божій храмъ!
Тамъ вода какъ ледъ въ купели,
Чтобъ младенца окрестить;

Вѣру изъ-стари — имѣли:
Будетъ крѣпокъ, долго жить!
Послѣ, пастыря, какъ друга,
Просятъ въ день тотъ на обѣдъ:
Тамъ для каждаго услуга,
Угощенье всѣмъ идетъ!
Нѣтъ политики и чванства,
Просто все и безъ чиновъ,
Тамъ союзъ пріязни, братства,
Не услышишь хитрыхъ словъ!

ПОХОРОНЫ ЖЕНЫ ПОСЕЛЯНИНА.

Несчастный земледѣлъ! подруги ты лишился,
И осмерыхъ она оставила сиротъ. —
Потеря велика! Кто мать для нихъ найдетъ?
Кто друга возвратитъ, съ которымъ ты про-
стился?
Унынiе въ дому, — тоска во всей семьѣ;
Плачь, крикъ у всѣхъ тогда по матери родимой,
Которую должны сокрыть въ сырой землѣ,
И горьки слёзы лить надъ хладною могилой!
Приходитъ пастырь душъ: отраду онъ несетъ,
Печальныхъ онъ лучемъ надежды утѣшаетъ,
Что въ небесахъ вѣнецъ всѣхъ добрыхъ ожи-
даетъ,
И что душа летитъ почить отъ всѣхъ суетъ!
Послѣднiй долгъ свершивъ по общему обряду,
Сосѣды и родня усопшую несутъ, —
Къ отцамъ и братiямъ въ покойную ограду
Въ домъ вѣчный, на покой съ рыданiемъ кладутъ!
Дубовый древнiй храмъ, съ высокой колокольней
Къ селенью въ сторонѣ по близости стоялъ.
Березникъ молодой шумѣлъ въ странѣ окольной,
Зеленый дикiй мохъ верьхъ кровли покрывалъ.
Тамъ сосны старыя, березы, вязы, ели, —
Съ густыми вѣтьвями стояли средь могилъ,
На коихъ вороны гнѣздъ множество имѣли,
Ихъ перелетный шумъ — прохожаго страшилъ!

Могильные кресты надъ спящими тѣлами,
Стояли, такъ какъ лѣсъ; и о субботнихъ дняхъ,
Родство спѣшитъ туда съ горячими слезами,
Приходитъ на поминъ, и плачетъ на гробахъ.

ПАШНЯ.

Стоитъ домъ сельской на горѣ, за рощами и за садами,
И рѣчка протекаетъ тамъ, и ручейки свѣтлѣютъ;
Вблизи деревня тамъ видна, гдѣ мирными семьями —
Живутъ крестьяне веселясь, въ сосѣдствѣ съ господами.
Весною на зарѣ встаетъ и доброй ихъ Бояринъ,
Идетъ смотрѣть поля крестьянъ, какъ всѣхъ семей хозяинъ.
Идетъ туда, гдѣ прежде онъ охотился зимою,
Гдѣ стая гончихъ по слѣдамъ за зайцами лѣтала;
Теперь онъ видитъ всѣ поля покрытыя цвѣтами,
Вездѣ онъ видитъ тучный скотъ, пасущійся стадами —
И старостѣ онъ говоритъ, который былъ приставленъ:
„Смотри, ты здѣлай братъ нарядъ на завтре всѣмъ крестьянамъ,
Чтобъ съ утренней зарей они къ работѣ выѣзжали,
Сперьва у ближняго ручья пригорки бъ запахали,
Которыя имъ засѣвать лишь ярою пшеницей,
А подъ озимую имъ рожь тамъ оставлять задворку,

Ячмень же, просо и овесъ посѣять за ручьями,
„И самъ ты будь тогда при нихъ, гляди за всѣмъ глазами!
Такъ доброй сельской господинъ заботится, печется,
Заря лишь — всѣ къ трудамъ пошли, и на поляхъ крестьяне.
Работа дружно началась, плугъ острой пробѣгаетъ —
И покрываются поля прямыми бороздами.
Гдѣ плугъ однажды проѣзжалъ, тамъ бороны влекутся,
Збиваютъ землю, комья въ макъ, а корни вырываютъ;
По нивѣ сѣятель идетъ тамъ ровными шагами,
Проворно сыплетъ вкругъ себя онъ зерна золотыя,
А вслѣдъ за нимъ вездѣ соха поспѣшно пробѣгаетъ,
И сѣмена сухой землей глубоко закрываетъ.
Кипѣла дружно на поляхъ у поселянъ работа.
Земля съ посѣвомъ всѣхъ сѣмянъ готовилась къ ращенью.
Тогда и доброй господинъ по нивамъ проѣзжаетъ,
И каждаго дѣльца труды самъ лично замѣчаетъ.
Пора работу окончать; домой ступайте други,
Вкусите по трудахъ покой, семейную отраду!
Такъ молвилъ съ лаской Господинъ крестьянамъ на работѣ.
Поклонъ всѣ барину отдавъ — они къ домамъ пустились.

Когда жъ мущины на поляхъ трудилися надъ пашней,
Трудились жены ихъ тогда для выгоды домашней.
Старуха ходитъ за стряпней, а съ малыми дѣтями
Старикъ заботится въ хлѣвахъ и кормъ скоту готовитъ.
Невестка старшая доитъ коровъ и козъ послушныхъ,
Готовитъ масло, вкусный сыръ для сельскаго обѣда.
За дѣломъ всѣ тогда, въ домахъ, въ поляхъ, на огородахъ,
Кто съ заступомъ, съ киркой стучитъ, кто съ частыми граблями,
И острый заступъ по грядамъ проворно пробѣгаетъ,
Тутъ всякой до поту лица въ череду свою трудится,
Но тягость незнакома имъ; труды для нихъ веселье.

СѢНОКОСЪ.

Вотъ прикатило и красное лѣто,
Слава Великому Богу отъ насъ! —
Нивы плодами, цвѣтами покрыло;
Добрый къ работѣ приближился часъ.

* *

Съ вечера наши збирались крестьяне;
Слышенъ далѣче ихъ стукъ молотовъ,
Свѣтлыя косы справляя клѣпали,
Рано, до солнца, пошли на покосъ:

* *

Тамо крестьяне проворной рукою,
Рядомъ валили зелену траву, —
Срѣзаны цвѣтики острой косою,
Видны лишь копны однѣ на лугу,

* *

Солнце поднялось высоко надъ ними,
Дѣдушка съ завтракомъ къ внучкамъ идетъ.
Все раздѣляя съ родными своими,
Посохъ съ корзинкой на землю кладетъ.

* *

Мирныя дѣти косить перестали,
Какъ начинала роса пропадать;
Пищей въ то время себя подкрѣпляли,
Подъ тѣнью березокъ легли отдыхать.

* *

Съ граблями дѣвки въ поле спѣшили,
Всѣ торопились ряды разбивать;
Дружно, и скоро, сѣно сушили,
Въ стоги высоко готовясь сметать.

* *

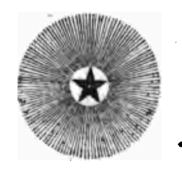
Поле покрылося всюду стогами,
Сѣно готово, — забота долой! . . .
Съ поля поднялись дѣвки съ парнями,
Весело съ пѣснями шли всѣ домой;

* *

Въ домѣ съ работы семья поджидая
Радостно слышитъ идущихъ съ полей;
Бабка торопится, столъ накрывая,
Все припасала для милыхъ дѣтей.

* *

Древній порядокъ родины милой!
Всѣмъ намъ любезенъ, сынамъ на Руси,
Скажемъ спасибо, отцамъ надъ могилой,
И пожелаемъ вѣнцовъ въ небеси!!!

ЖАТВА.

Льется жаркой лучь на землю - лѣтомъ въ полдень отъ небесъ,
Ищутъ странники прохлады, гдѣ густѣе тѣнь древесъ!
Золотятся сельски нивы, зрѣетъ сѣмя въ колосахъ,
Чуть лишь вѣтеръ: волны въ полѣ, и кипятъ какъ на моряхъ.

* *

Въ сей то рощѣ златовидной громко свищутъ—перпела.
Имъ поля въ удѣлъ природа какъ подарокъ отдала.
Мирной житель для гулянки плодъ заботъ смотрѣть идетъ,
Рветъ колосья съ тучной нивы, время жатвы настаетъ.

* *

Въ домъ приноситъ ихъ немедля земледѣлъ съ своихъ полей,
И къ работѣ назначаетъ онъ и день семьѣ своей.
Ранымъ рано, утромъ встали, всѣ невестки и сестры,
Въ мигъ въ поля,—гдѣ жнутъ со свистомъ ихъ зубатые серпы.

* *

Въ утро, въ вечеръ, лунной ночью, всей семьею на поляхъ,
Жнутъ проворными руками, и снопы кладутъ въ скирдахъ.
Чисто поле, всё пожато, молодьба ужъ настаетъ.
Весь овинъ набитъ снопами, озаботился тѣмъ дѣдъ!

* *

Онъ беретъ пуки лучины; самъ огонь сталъ — разводить,
И не спавши — осторожно, все старается сушить.
Какъ готово, будитъ семью на работу отъ сна,
Всѣ встаютъ, летятъ съ цѣпами той порою до гумна;

* *

Нутка дѣти, приударимъ! закричалъ тогда старшой,
Стукъ ихъ стройной раздавался передъ утренней зарей;
Смолотили, — тутъ съ лопатой ужъ готовъ — былъ земледѣлъ,
Онъ пшеницу вѣялъ чисто, и всему онъ велъ — раздѣлъ,

* *

Что для дому, на продажу, и для росту въ солода,

Чтобъ зимою не тѣснила недостатками нужда;
Слава Богу! хлѣба много, тѣмъ богатъ мужикъ слыветъ,
Изъ того онъ дѣлитъ всюду, и доволенъ онъ живетъ.

УБОРКА ЛЬНА.

Всѣхъ раньше бабушка родимая вставала,
На утренней зарѣ, при пѣньи пѣтуховъ;
Бродила по избѣ, — семьѣ своей ворчала,
Ворчанье есть душа вездѣ у стариковъ;
И съ посохомъ къ окну середнему подходитъ,
На нивы, и поля разборчиво глядитъ,
Гдѣ полное душѣ веселіе находитъ,
Увидя, какъ сосѣдъ съ семьей въ трудахъ ки-
питъ.
Стучитъ, кричитъ дѣтямъ: Лѣнивцы, какъ не-
стыдно!
Лежать до сей поры, а въ полѣ не бывать.
Сосѣди тамъ давно, а васъ еще не видно:
Добра вамъ дѣтушки отъ лѣни не видать;
Щастливая пора не надолго продлится.
Вѣдь осень подойдетъ, начнетъ дождь ливнемъ
лить:
Погонитъ до двора; съ работой тутъ проститься!
Уже поздо будетъ вамъ потерю воротить,
Поднялась вдругъ семья; сбираяся молчали,
Краюху взявъ съ собой, иконѣ помолясь,
Бѣжали на поля, — работу начинали. —
Ленъ съ корнемъ теребитъ проворно устремясь,
Рядами вкругъ себя все мѣсто покрываютъ,
Гдѣ долженъ онъ лежать еще довольно дней;
Завидѣли, готовъ, немедля подымаютъ,

И къ дому на овинъ свезутъ его съ полей.
Тамъ сѣмя обобьютъ, связавши ленъ пуками,
Для стилки на луга, обратно отвезутъ.
И солнышко печетъ, и дождикъ мочитъ тутъ,
И провѣваетъ вѣтръ ленъ усланный рядами,
Ленъ мякнетъ, бѣлится, а послѣ на дворы
Тамъ чешутъ, треплютъ, мнутъ, и съ плечъ долой заботы,
Уборка льна для нихъ тяжелѣ всей поры:
И беспокойнѣе всей полевой работы.

ПОСИДѢЛКИ.

Дѣвицы нарядясь пойдутъ
Къ сосѣдкѣ въ посѣдки съ гребнями,
Тамъ въ ночь съ весельемъ ленъ прядутъ,
Онѣ проворными руками.

* *

Туда приходятъ той порой
Къ красоткамъ парни холостые,
И съ пѣсней, съ шутками, игрой,
Часы проводятъ золотые!

* *

Горятъ лучины на свѣтцахъ,
Какъ будто зарево пылаетъ;
И средь избы, въ большихъ углахъ,
Всѣхъ посидѣлокъ освѣщаетъ.

* *

Тамъ весь нарядъ дѣвицъ блеститъ
И молодежъ имъ сыплетъ шутки,
Веретено имъ въ ладъ свиститъ —
А у дѣвицъ къ нимъ прибаутки.

* *

Загадки идутъ про любовь,
Отвѣты веселятъ смѣшные,
Про свекра шепчутъ, про свекровь,
Наряды хвалятъ дорогія.

* *

Ужь за полночь, и третій часъ,
Пѣтухъ имъ къ утру повторяетъ, —
И расходиться далъ приказъ!
Тутъ всякой къ дому поспѣшаетъ.

* *

Другъ — другу ласковой поклонъ,
Отдавъ съ улыбкою прощенье;
Всѣмъ пожелаютъ доброй сонъ,
Уговорясь о посѣщеньѣ.

ОСЕНЬ.

Непогода, вѣтеръ бурный, обложились облака.
Вянетъ всё, вездѣ мертвѣетъ, и веселость далека.
Въ рощахъ пусто, — всё умолкло, — птичекъ хоры не поютъ,
На лугахъ трава завяла, и гулять туда нейдутъ;
Тамъ — стада рычатъ обмокши отъ ненастливыхъ дождей:
И пастухъ не заиграетъ на свирѣлочкѣ своей.
Голубокъ потупя носикъ подъ застрѣхою сидитъ
И съ подружкой легкокрылой въ чисто поле не летитъ;
Утромъ холодъ, снѣгъ съ дождями обрываетъ — облака,
Странникъ дрогнетъ на дорогѣ въ путь спѣша изъ далека.
Лишь утихнетъ, съ шумомъ, крикомъ - журавлей летятъ стада,
Извиваясь длинной лентой поднялися за моря.
Убираются при вьюгѣ звѣри въ норы отъ зимы,
Волки алчныя лишь воютъ, ставъ добычи лишены.
Галки черныя стадами — по полямъ кружась кричатъ,

Иль нахмурясь по задворкамъ на плетняхъ он
сидятъ!
Бѣдный житель осыпаетъ вѣтху хижину зем
лей, —
Для зимы себѣ готовитъ онъ убѣжище, покой!
Мрачна осень представляетъ старость, — бѣд-
ность всѣхъ людей,
Всякой въ пору испытаетъ неизбѣжный жре-
бій сей!

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВОИНА ВЪ ДОМЪ.

Ночью люди крѣпко спали утомяся отъ труда,
Въ разныхъ видахъ сонъ прельститель представляется тогда,
Странно матери приснилось, что былъ сынъ ея убитъ,
Плачетъ, стонетъ надъ могилой, гдѣ нещастный былъ зарытъ.
Песъ озлясь ее кусаетъ, вѣрный сторожъ дворовой.
Кровь текущую отъ язвы она видитъ предъ собой. —
Пробудилась — въ изумленьи, ничего не говоря, —
И смутясь перекрестилась, и молитву сотворя—
Расказала по порядку свои сны тогда семьѣ.
Ахъ родныя, что за диво? растолкуйте это мнѣ!
Печь, и кровь есть другъ родимый, отвѣчалъ на то старикъ!
А что выла надъ могилой; видно вѣкъ его великъ.
Лишь промолвилъ, — вдругъ стучатся! и залаялъ вѣрный песъ.
Кто тамъ? Дѣдушка всѣмъ крикнулъ, не родноваль Богъ принесъ?
Заскрипѣла вдругъ калитка и въ избѣ ужь — былъ солдатъ!

Испугались грозна вида! — но родная его мать
Узнаетъ, кричитъ: родимой! — и бросается къ нему,
Гдѣ ты взялся? Какъ явился, милой сердцу моему?
Я сей часъ лишь говорила, что въ могилѣ ты лежалъ!
Вашей матушка молитвой, бодрый воинъ отвѣчалъ,
Я хранимъ во всяко время и спасаемъ былъ отъ бѣдъ, —
Тутъ дрожащими руками обнимаетъ его дѣдъ!
Обступивъ его, снимали, съ тесакомъ суму его;
Не могли и насмотрѣться на роднаго своего. —
Воинъ сѣвши на скамейку, рѣчь заводитъ про походъ!
Сколько нужды потерпѣли, при походахъ въ грозный годъ!
Какъ съ Французами сражались за отечество въ штыки,
Какъ враговъ они прогнали, а загнали козаки!
Какъ былъ раненъ, и полмертвый между трупами лежалъ,
Сколько разъ бывалъ въ атакѣ и какъ Богъ его спасалъ.
Всѣ хвалили его храбрость, всякой въ очередь свою!
Все забыто, слава Богу! дай Богъ здравствовать Царю!

Такъ окончилъ добрый воинъ, и отеръ слезу—
отъ глазъ;
А семейство угощеньемъ озаботилось въ тотъ
часъ! —

СОЛДАТЪ НА ПОСТОѢ.

Солдатъ съ медалью, и крестами,
Приходитъ въ избу къ мужику,
Высокой, бравой, и съ усами, —
Онъ былъ Гвардейскаго полку!
Пришелъ, — на образъ сталъ креститься;
Суму снялъ, ранецъ, и тесакъ;
На лавку близъ стола садится —
Какъ въ Руской домъ — пришелъ Русакъ!
Повелъ въ избѣ на всѣхъ глазами,
Каковъ хозяинъ, замѣчалъ: —
Потомъ: — привѣтными словами,
Здоровы будьте, имъ сказалъ.
Сначала въ домѣ оробѣли,
Смотря на поступь — храбреца,
Взглянуть, и рѣчь вести не смѣли,
Поудаляясь молодца.
Не бойтесь, Гренадеръ промолвилъ,
Солдатъ такойже человѣкъ;
Съ улыбкой старину имъ вспомнилъ;
Отъ васъ и родъ мой не далекъ:
Онъ началъ рѣчь вести о родѣ;
И свой расказывать походъ,
И что случилося въ походѣ —
Въ тяжелый намъ и славный годъ!
Старушка слыша прослезилась,
Припомнивъ бѣдствіе людей...

акъ внучка милова лишилась,
. съ нимъ веселыхъ, ясныхъ дней!
старикъ тутъ добрый прерываетъ
тарухи слезы, вздохъ, и рѣчь;
й доблесть Руских вспоминаетъ
[предковъ съ Шведомъ страшну сѣчь!
то плакать о дѣтяхъ родная,
оль Богъ судилъ Царю служить!
вердитъ и вѣра намъ святая,
тобъ въ битвахъ жизни нещадить,
ще унасъ осталось трое,
аботать есть кому въ запасъ,
Живемъ въ довольствѣ и покоѣ
тѣхой правнучки для насъ.
Тутъ старшій внукъ ихъ улыбнулся,
Младымъ безстрашіемъ горя;
Схватилъ тѣсакъ, и размахнулся,
Умремъ за вѣру, и Царя!
Иль мы на службу не годимся,
Иль трудъ не можемъ мы понесть?
Мы славно со врагомъ сразимся;
А ляжемъ — намъ отъ Бога честь!
Смотрѣлъ на нихъ почтенный воинъ
Какъ братьевъ къ сердцу прижималъ,
Отецъ сихъ чадъ похвалъ достоинъ!
Онъ старику сквозь слезъ сказалъ. —

МИРСКАЯ СХОДКА.

Сидѣлъ въ избѣ Бурмистръ, и вкругъ его к
стьяне.
Сидѣлъ онъ за столомъ и въ смуромъ былъ ка
танѣ;
Поближе тѣ къ столу, богатъ кто, и умнѣй,—
А бѣдные всегда сидѣли близъ дверей.
Взялъ староста приказъ господской изъ ка
мана,
Далъ земскому читать,— притихли поселяна.—
И слову барскому готовились внимать,
Которое могло ихъ жизнь перемѣнять.
Тутъ до рекрутскаго касалося набора:
Худыхъ крестьянъ велелъ здать баринъ съ при
говора.
Приказъ сей напугалъ зажиточныхъ крестьянъ,
Затѣмъ, что дѣтки ихъ гнѣвили всѣхъ мирянъ
И день и ночь они въ порокахъ утопали;
Бѣда летитъ въ глаза, отцы сидятъ въ печа
ли;
Не знаютъ дѣлать что, при горести такой!
И въ скорби погрузясь смущаются тоской.
Кѣмъ горе замѣнить — отдачею въ солдаты?—
Придумали они — сиротъ свалить безъ платы;
Которымъ безъ того судьба строга и зла,
И горькая слеза не высохла съ чела.
Вдругъ, началъ говорить одинъ изъ мироѣдовъ:
Послушайте друзья! къ чему беречь сосѣдовъ?

Степана Карпова, и Сидора съ Кузьмой!
Имъ должно лобъ забрить, по истиннѣ прямой:
Ихъ домы хуже всѣхъ, скота при домѣ мало,
Подъ красную бы ихъ, какъ встарь у насъ бывало!
За нимъ тогда другой, заводитъ туже рѣчь?
Къ чему намъ бѣдняковъ при вотчинѣ беречь?
Щадятъ ихъ Господа, оброками прощаютъ,
Они хлопотъ мирскихъ и податей не знаютъ.
Такъ съ Богомъ! пусть они идутъ служить за насъ.
Тутъ староста сказалъ: родились не для васъ,
Не для распутныхъ тѣхъ, которые съѣдаютъ —
Сиротской даромъ хлѣбъ и бѣдныхъ обижаютъ,
Богатствомъ думаютъ безчинство прикрывать,
Васъ, первыхъ должно васъ подъ красную отдать!
Чтобъ за дѣтьми присмотръ всегда отцовъ былъ долгомъ,
И отдадутъ еще они отчетъ предъ Богомъ.
А бѣдной сирота — ничемъ не виноватъ!
И это не порокъ, что домъ ихъ не богатъ!
Но вѣрно наградитъ ихъ свыше Провиденье,
За доброе житье, и въ горести терпѣнье;
Мой долгъ судить равно, безъ понаровки шутъ.
Накажется судья за нерадивый судъ!

*

Тотъ часъ велѣлъ сковать онъ сыновей разврат-
ныхъ.
Поднялся крикъ и плачь о дѣткахъ ненаглядныхъ
Не пожалѣли ихъ. — Кто Бога не забылъ,
Тотъ ближнихъ никогда безвинно не тѣснилъ.

ЗИМА.

Уже отъ сѣвера со вьюгой и снѣгами
Спѣшитъ зима — пришла, и хладными руками: —
Волшебница, все въ мразъ и иней облекла,
У мирнаго села сугробы нанесла!
Обширныя поля снѣгами покрываетъ,
На рѣки — льдяныя оковы налагаетъ!
И сосны инеемъ пушистымъ серебритъ;
Алмазы безъ числа по воздуху стремитъ!
Тогда: прощаяся съ семьею на работу —
Не медлитъ земледѣлъ, труды ему въ охоту!
Топоръ за кушакомъ, спѣшитъ онъ въ ближній лѣсъ,
Туда, гдѣ соснъ, березъ раскинулся — навѣсъ,
Весь день стучитъ топоръ, — и вечеромъ съ дровами,
Онъ ѣдетъ медленно, — слѣдъ занесло снѣгами,
Скрыпящій возъ его насилу конь везетъ,
Шумитъ порывный вѣтръ и въ полѣ снѣгъ мететъ!
Ужъ смерклось на дворѣ, — совсѣмъ не видно свѣта,
Молитву онъ творитъ, но помнитъ гдѣ примѣта.
Лошадушкѣ кричитъ: ну, ну! не выдавай!...
Онъ самъ налегъ плечомъ, — мелькнулъ деревни край...
И вотъ онъ выѣхалъ на чистую дорогу...

Село въ виду — и домъ ... встрѣчаютъ у по-
рогу,
Жена, и мать его, и дѣдушка съ семьей. —
Пріѣхалъ, говорятъ! гдѣ былъ родимой мой?
Смотри, какой морозъ, смотри, какая вьюга!
Трескучій огонекъ — тебя обсушитъ друга!
Ты весь въ снѣгу! ему родная говоритъ;
Погрѣйся, — для тебя и столъ давно накрытъ.
Кончаетъ бѣгъ свой день, и солнце закатилось,
Туманомъ съ вечера полнеба обложилось,
И въ сельскихъ домикахъ горятъ пуки лучинъ,
Крестьянинъ потушилъ дымящійся овинъ,
Мущины къ жерновамъ; а женщины со льнами,
Вертятъ веретено проворными руками,
На пѣчкѣ дѣдушка готовитъ смазку имъ; —
Ахъ дѣдушка, скажи ты внучатамъ роднымъ,
Что лучше намъ въ быту крестьянскомъ? при-
быльнѣе?
Намъ дѣтушки, всего дороже и милѣе —
Спокойной сладкой сонъ, его даетъ намъ трудъ. —
Работай не лѣнясь — и прибыль будетъ тутъ
Коль хочешь щастія, будь добрымъ, тихимъ —
трезвымъ,
И чесностью одной всѣмъ здѣлайся извѣстнымъ.

ПРОДАЖА ПШЕНИЦЫ.

Проходитъ ночь, заря румянитъ облака,
И пѣнье ранняго услышавъ пѣтуха, —
Которымъ бодрственно встрѣчаетъ онъ денницу,
Старикъ взбудилъ дѣтей, — ступай, насыпь пшеницу!
Сказалъ онъ старшему, и съ Богомъ поѣзжай —
Въ матъ каменну Москву! какъ придется, продай;
Цѣнъ не уставитъ намъ, онъ сыну повторяетъ,
А цѣну строитъ Богъ! Сынъ добрый поспѣшаетъ
И закрывая грудь уютнымъ зипуномъ,
Онъ подпоясался, взялъ шапку, и потомъ —
Роднымъ своимъ поклонъ, Иконѣ помолился,
Насыпалъ возъ, готовъ, вскочилъ, перекрестился!
Такъ на Руси велось отъ самыхъ давнихъ лѣтъ,
И полозъ на снѣгу — прорѣзалъ новый слѣдъ!
Бѣлѣются бугры вчерашнія мятѣли,
И снѣгомъ на древахъ вездѣ отягтѣли,
Въ отблескахъ утреннихъ сверкая какъ хрусталь,
Вдругъ вздрогнулъ бодрый конь, бьетъ въ снѣгъ ногой, заржалъ,
Храпитъ, вдругъ сталъ, нейдетъ, несмѣлыми глазами
Крестьянинъ смотритъ вдаль, и видитъ межъ буграми,

Которыя вездѣ мятелью занесло, —
Крестьянинъ ѣхавшій на ближнее село,
Дорогу потерялъ, — лежитъ безъ чувствъ не-
счастный!
И жертва холода, стихій борьбы ужасной,
Онъ въ вихрѣ снѣговомъ погибнуть осуждёнъ.
Но благодѣтель здѣсь — и не погибнетъ онъ!
Кто помнитъ, что добро отъ насъ есть ближ-
нимъ плата,
Спѣшитъ избавить тамъ незнаемаго брата;
Онъ сильною рукой погибшаго извлекъ.
Подъ возомъ захрустѣлъ крушимый быстро
снѣгъ,
Не тратя помысловъ, боясь промедлѣнья,
Торопится достичь до ближняго селенья,
И прямо поспѣшалъ къ священнику села.
Спасите! онъ вскричалъ, — знать вьюга занесла
Вчера проѣзжаго; — рѣчей не тратя многихъ,
Привыкшій помогать, и призирать убогихъ,
Священникъ поспѣшалъ страдальцу пособить,
Велелъ принять ево, велелъ за нимъ ходить,
И самъ заботился; несчастный входитъ въ силы,
Спасенъ отъ гибели, бывъ на краю могилы,
Взглянулъ, опомнился, — и руки къ нимъ про-
стеръ!
И тотъ, кто спасъ его, слезу отъ глазъ отеръ.
За дѣло доброе благодаренье Богу!
Похвалъ не требуя — спѣшитъ въ свою дорогу.
Онъ поздо выѣхалъ съ пшеницей на базаръ,
Но тѣмъ не потерялъ цѣны на свой товаръ.

Нашелъ покупщиковъ, — товаръ ево купили,
Однако запоздалъ, — ужь къ всенощной звонили,
Ужь день завечерѣлъ, — давно пора домой, —
Помощникъ Богъ! бѣгутъ шумливою толпой
И дѣти и жена, встрѣчаютъ, обнимаютъ,
Здоровъ ли? гдѣ ты былъ? спросить не успѣваютъ,
Что здѣлалось съ тобой? сквозь слезы старики,
Какъ долго ѣздилъ ты? замаялись съ тоски.
Избави Богъ бѣды, — не худо ль? что случилось?
Ночь прошлую во снѣ намъ страшно что-то снилось!
Чернику брать съ тобой мы шли въ дремучій боръ,
И грянулъ громъ! — у насъ старинный приговоръ;
Копанье къ мертвецу, — а ягоды къ печали,
А мы съ тобой въ лѣсу еще чернику брали!
Я думалъ по утру, — путь вѣрно быть бѣдамъ,
Громъ къ худу! Батюшка, я растолкую вамъ:
Зловѣщій часто сонъ сбывается ко щастью,
Иль просто видится намъ къ ведру иль къ ненастью.
Тутъ началъ онъ роднымъ расказывать свой путь!
Всѣ слушали его, не смѣя и дохнуть.
Ужь болѣе его мѣдленьемъ не скучаютъ,
Отецъ и мать его какъ друга обнимаютъ;
Мой сынъ! сказалъ отецъ: ты свой исполнилъ долгъ,
За это наградитъ тебя всевидецъ Богъ!

Повѣрь, за Нимъ добро вовѣкъ не пропадаетъ;
Онъ добрыхъ милуетъ, незримо награждаетъ!
Погибъ тотъ день, когда не здѣлаешь добра.
Оно безценнѣе и злата, и сребра!
Щасшливъ призвавшій жизнь въ грудь - ближняго собрата.
Благодѣяніе — само себѣ награда!—

ОХОТА.

Окончавъ въ селѣ работу,
Шли крестьяне на охоту,
Бить медвѣдей съ стаей псовъ,
И ловить лисицъ, волковъ.
По дружинамъ раздѣлились,
Взявъ снаряды, въ лѣсъ пустились.
Теменъ лѣсъ; они идутъ,
Ружья, топоры несутъ,
И капканы не забыты;
Псы бѣгутъ, летятъ стрѣлой,
Стали вдругъ; тутъ для защиты —
Всѣ ловцы готовы въ строй.
Логовище псы признали,
Гдѣ большой мѣдвѣдь залегъ.
Вкругъ бугра они обстали;
Страшнымъ лаемъ нудятъ въ бѣгъ.
Отъ злодѣевъ звѣрь не крылся,
Съ ревомъ груду разметалъ,
И въ охотниковъ пустился,
Но на зубы псамъ попалъ.
Тутъ ловецъ еще подкрался,
Выстрѣлъ изъ ружья раздался,
И медвѣдю пуля въ бокъ.
Но ударъ ему легокъ;
Онъ лишь пуще разъярился,
Псовъ замялъ, къ ловцамъ стремился,

Но откуда ни взялся
Вѣрный песъ, что было силы,
Въ морду звѣря онъ впился,
И вонзивъ въ него какъ вилы —
Зубы, стиснулъ, и повисъ.
Тутъ охотники сошлись,
И одинъ, кто былъ смѣлѣе,
Хвать медвѣдя топоромъ,
По лбу вдоль; другой скорѣе —
Размахнулся удальцомъ.
Звѣрь рогатиной пронзенный —
Палъ. — Поднявъ его съ земли —
Всѣ добычей восхищенны,
И на лыжахъ въ домъ свезли.

Разумъ силу побѣждаетъ,
Смѣлость другъ въ бѣдѣ уму!
Труса умъ не защищаетъ,
Коль бѣда придетъ къ нему. —

ИГРА ДѢТЕЙ ЗИМОЙ.

Какъ зимою прикатитъ
Вьюга, снѣгъ, морозъ жестокій!
Клонитъ дубъ къ землѣ высокій,
Съ корнемъ сосны въ долъ валитъ.
Стужа дѣтямъ не помѣха:
Имъ зима равна съ весной,
И мятель для нихъ утѣха,
Не разлучитъ ихъ съ игрой.
Вздѣнутъ шубы, кушаками,
Опояшутся кругомъ,
Шапки съ долгими ушами.—
Оградятъ себя тепломъ.—
Выбѣгаютъ, разъѣжаютъ,
По равнинѣ полевой;
Иль кубарики гоняютъ,
Или въ шарикъ бьютъ клюкой.
Въ копну снѣгъ они скатаютъ,
Горъ надѣлаютъ льдяныхъ!
И домовъ наработаютъ —
И бѣсѣдокъ снѣговыхъ.
Общій бой ручной затѣютъ,
Стародавняя игра, —
А въ борьбу — кого успѣютъ
Опрокинуть,—тутъ ура!
Начинаютъ ли огнями
Окны въ сумерки свѣтлѣть,

Тутъ припустятся конями
Къ дому въ запуски лететь;
Бури, холоду, смѣются —
На Руси у насъ Святой,
И съ зимою обживутся —
Дѣти въ полѣ за игрой!

СКАЗКА.

Сидя на пѣчкѣ мы зимней порою —
Около дѣдушки милаго намъ,
Играемъ въ бирюльки, рѣзвясь межъ собою;
Семья налѣгаетъ усердно къ трудамъ.

*

Слыхалиль вы дѣтушки диво такое?
Родимый нашъ дѣдушка всѣмъ говорилъ;
Были однажды у свата насъ трое,
Тамъ чаркой, погудкой, насъ — сватъ веселилъ!

*

Часъ, два, иль три у него просидѣли,
Кончили шутки, пустились домой,
Вечеромъ поздо; огни ужъ горѣли,
Товарищи скрылись изъ глазъ предо мной!...

*

Тогда я до дому одинъ припустился,
Своими полями казалось мнѣ шелъ;
Гляжу, я въ селеньи чужомъ очутился,
И тамъ я къ овину чужому забрелъ.

*

Уставши, я сѣлъ на пѣнёкъ у овина;
Ко мнѣ незнакомый мужикъ подходилъ,
Съ дубинкой, въ сермягѣ, высокой дѣтина!
Ей! миръ по дорогѣ! землякъ говорилъ.

*

Спросилъ я, тогда, далеко ль? про дорогу,
Пойдемъ-ка съ тобой, безъимянный сказалъ,
Я шелъ повторяя: хвала Тебѣ Богу!
Пути вдругъ не стало, и спутникъ пропалъ.

*

Стою оробѣвши, ни съ мѣста ногою,
И виду не видно домовъ ни какихъ:
Стучала телѣга вблизи предо мною;
Вдругъ скачутъ дорогой на парѣ лихихъ!

*

Постойте друзья, и меня подвезите,
Дому ни какъ не найду! — помогите!
Что мочи ужъ было, дорожнымъ кричалъ:
Сѣлъ къ нимъ, и насъ точно вихорь помчалъ.

*

Скачемъ лѣсами, полями, лугами,
Наши лошадки какъ птицы летятъ!
Мѣлькаютъ деревья, кусты передъ нами,
А дому роднаго въ глазахъ не видать.

*

Тогда я съ молитвой крестомъ оградился,
Лѣвой за грядку держуся рукой,
Не знаю какъ вдругъ я тогда очутился
На мѣльничной крышкѣ, лишь шумъ предо мной...

*

Вертелися крылья, вокругъ меня машутъ,
Жорновы, снасти ужасно гремятъ;
Всё то мнѣ чудилось; лошади скачутъ,
Къ дому поспѣшно казалося — мчатъ!

*

[П]омните сказочку дѣтки родныя,
[Н]е йдите изъ дому вы въ путь не молясь;
[Т]вердите въ дорогѣ молитвы Святыя,
[В]ъ пути не постигнетъ недобрый васъ часъ!“

СВЯТОЧНЫЯ ГАДАНЬЯ.

Дней веселья, дней гулянья,
Мы въ деревняхъ дождались.
У дѣвицъ ужъ начались —
Пѣсни, игры и гаданья.

*

Что ты дѣвица, поешь?
Чисто золото хоронишь?
Ты кому кольцо готовишь?
Ты зачемъ воскъ ярый льешь?

*

Про себя — лишь мы умѣемъ
Думу на сердцѣ хранить.
Толь увидишь? мы запѣемъ —
Нынче въ полночь ворожить.

*

За ворота мы выходимъ
Проходящихъ окликать,
Въ мѣсяцъ зеркало наводимъ —
Чтобъ намъ суженыхъ узнать.

*

Я у бабушки спросила,
Какъ судьбу узнать впередъ,
И она мнѣ говорила:
Слушай, дитятко, мой свѣтъ:

*

Гривы конямъ заплѣтаютъ,
Взявъ соломку изъ скирдовъ,
На дорогу выбѣгаютъ —
Слушать лай дворовыхъ псовъ.

*

Мѣлютъ иглы жерновами,
Полютъ снѣги обчертясь,
Близъ овина за дворами —
Безъ молитвы, не крестясь.

*

Соль, муку возьми съ водою,
Три наперстка, ровно въ край
Съ тихимъ шопотомъ, съ мольбою —
Все украдкою смѣшай.

*

Это съѣшь, какъ спать сбираться,
Срубъ подъ голову клади,
Будетъ твой женихъ казаться —
И всѣ дни, что впереди; —

*

О красавицы дѣвицы!
Какъ вамъ будущее знать?
Хоть гадать вы мастерицы,
Все судьбы не отгадать!

*

Но люблю, какъ вы встаете
Отъ пріятнаго вамъ сна,
Толкъ съ подружками начнете
Тихомолкомъ, у окна.

УНЫНІЕ.

Бьется сердце ретивое,
А не знаю, что такое —
Предвѣщаетъ мнѣ оно?

Сны недобрые все снятся,
Чувства всѣ во мнѣ тѣснятся,
А не знаю, отъ чего!

Утромъ рано пробуждаюсь,
На домашнихъ огорчаюсь! —
Но не вѣдаю — за что?

Вотъ обѣдать собираютъ,
Все не такъ приготовляютъ, —
Будто дѣлаютъ не то. —

Вечеръ дня ужъ наступаетъ,
Скука сердце отягчаетъ!
А не вѣдаю причинъ?

Вотъ и спать уже ложуся,
Горько плачу, — и крещуся,
Радъ часокъ заснуть одинъ.

И глаза уже — сжимаю;
Мнится мнѣ, я засыпаю;
Но во всѣ глаза гляжу!

Сердце бьется, — духъ тревожитъ,
Грусть, тоску — и скуку множитъ
Самъ не свой тогда лежу. —

МИРОНЪ НА ПАШНѢ.

Пахалъ поля подъ яровое,
Миронъ заботливый въ полдня.
Томило время полдневое
Его, и старого коня!
Вспахалъ загонъ, остановился,
Потупя голову, стоялъ;
На плугъ рукой облокотился...
Какъ грустно сердцу! онъ сказалъ.
Всхрапнулъ конь старый, обернулся,
Къ ручью изъ за кустовъ глядитъ;
Миронъ усталый усмѣхнулся,
Сказалъ: къ чему гнѣдой храпитъ?
Вдругъ видитъ,.. Странникъ появился...
Сугорбясь, старый воинъ шелъ,
Склонясь на посохъ,— поклонился,
И рѣчь съ Мирономъ онъ завелъ.—
Спросилъ къ селенью про дорогу.—
И какъ онъ самъ съ семьей живетъ.
Живу изрядно, слава Богу!
Миронъ сказалъ ему въ отвѣтъ.—

Воинъ.

Зачемъ такъ въ полдень работаешь,
Миронъ, другъ старый дорогой!

Миронъ.

А почему меня ты знаешь?
Иль ты живалъ когда со мной?

Воинъ.

И подлинно Миронъ живали,
И другъ безъ друга ни когда;—
Веселой браги не пивали;
Съ тобой дѣлились мы всегда,
Какъ братья жили межъ собою.

Миронъ.

Но ты на Пимена не схожъ;
Тотъ былъ съ кудрявой головою,
Собою статенъ, и пригожъ!
Тебѣ же съ нимъ нельзя равняться,
Хоть и походишь по рѣчамъ.

Воинъ.

По совѣсти Миронъ признаться;
И я, себѣ невѣрю самъ.
Какъ вспомню, некогда со мною
Случилось, былъ я мужикомъ—
Съ запасомъ восмеро за мною
Гналися воры подъ лѣскомъ,
Но я одинъ сразился съ ними,
И ихъ какъ хворостъ размѣталъ,
Глядѣлъ, что здѣлалось надъ ними,—
И стоя — одаль, хохоталъ.

Миронъ.

Теперь-то вижу друга, брата!
Нечаянно на сихъ поляхъ.—
Какая въ старости намъ плата!

Тутъ оба обнялись въ слезахъ!

Миронъ.

Давно мы вѣсти не слыхали
И мнили,— ты ужъ погребенъ!—

Воинъ.

Мнѣ тридцать ранъ Французы дали,
Но, пали, ранъ моихъ въ замѣнъ.
Я живъ какъ видишь, слава Богу!
Иду съ навьюченнымъ мѣшкомъ;
Тащусь въ отчизну по немногу,
И гдѣ на клячѣ, гдѣ пѣшкомъ.
Вотъ и тебя Миронъ, ужъ трудно,
Давно не видѣвши узнать.

Миронъ.

Мое кормилецъ время скудно,—
Привелъ меня Господь пахать!
Въ лѣтахъ преклонныхъ, безъ наслѣдства,
Нести подъ старость трудъ такой,
Лишась любезнаго семейства!
Одна жена теперь со мной;
Не можетъ и ходить съ печали!
Безъ внуковъ милыхъ, и дѣтей.

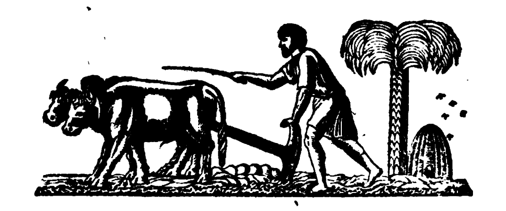
Воинъ.

Кудажъ они мой другъ пропали?

Миронъ.

Два сына пали отъ звѣрей,—
Пойдя въ дуброву на охоту,
А третій съ внучкомъ въ челнокѣ
Катаясь, кончивши работу,
Погибли въ бурю на рѣкѣ.

Невѣстки померли съ печали;
Богъ дочкамъ доли не даетъ!
Мужей ихъ въ рекруты какъ сдали,
Съ тѣхъ поръ о нихъ и слуха нѣтъ.
То сряду было здѣсь три года,
Довольно нужды потерпѣлъ!
Большая въ хлѣбѣ недорода,
Съ корою хлѣбъ мѣшая, ѣлъ.
И скотъ для нужды продавали,
Навозу не было въ поляхъ,
Зерномъ колосья тощи стали,
Вездѣ печаль была въ домахъ.
Пошли Господь властямъ здоровья!
И нашимъ добрымъ господамъ!
Теперь всего у насъ приволье,—
Покой и радость по домамъ!
Да нѣтъ дѣтей; нѣтъ въ щастьи пользы,
И я съ женой, какъ одинокъ,
И ждемъ мы, проливая слезы,
Не позоветъ ли къ дѣтямъ Богъ?

БАБУШКИНА ПОВѢСТЬ.

Вокругъ огонька за гребнями сидѣли,
Дѣвки и бабы осенней порой;
Ихъ веретены свистѣли, шумѣли,
Пряли проворно одна предъ другой.

* *

Насъ на палатяхъ собралось съ десятокъ,
И добрая бабушка съ нами была,
Шутила, — насъ тѣшила будто цыплятокъ,
И рѣчь стародавную намъ завела. —

* *

Быль, небылицу *ли*, точно не знаю,
Напрасно жъ родная не станетъ и лгать.
Но думать на волю я вамъ оставляю,
А буду подробно, какъ слышалъ, писать.

* *

Однажды случилось: въ деревнѣ знакомой
На родину въ отпускъ приходитъ солдатъ;
Съ роднею увидѣться милой и кровной,
Приближась онъ къ дому — сердечно былъ радъ!

* *

Сказаться чужимъ, незнакомымъ желая,
Знать шутку съ родными сшутить захотѣлъ,
Въ избу приходитъ, приборъ свой снимая,
Богу,— семьѣ поклонился, и сѣлъ.

* *

Какъ будто чужой разговаривалъ смѣло,
Семья немогла въ немъ роднова узнать;
У воина доброе сердце кипѣло! —
Онъ сталъ на скамьѣ все добро разбирать.

* *

Дѣдъ и старуха глядѣли съ семьею, —
Дивились какъ много пожитковъ въ избѣ;
Думали думу тогда межъ собою,
Какъ бы присвоить добро все къ себѣ.

* *

Пѣчка тогда протоплялася жарко,
Вздумали тамо роднова сгубить!
Примолвилъ тутъ дѣдушка воину жалко:
Нужно бъ тебя намъ съ дороги обмыть.

* *

Вотъ пѣчка готова, поди-ка на омойся;
Вотъ вѣничекъ свѣжій и шайка съ водой,
Все цѣло здѣсь будетъ, и худа не бойся,
За все отвѣчаемъ своей головой.

* *

Сказалъ поклоняся, спасибо родная!
Раздѣлся служивой и въ пѣчку полезъ; —
Заслонка взгрѣмѣла, — тамъ смерть уже злая!
Взмолился несчастной родимымъ сквозь слезъ!

* *

Поздо ихъ внукомъ, роднымъ назывался,
Поздо жестокихъ сердца увѣрялъ!

Горестно мучась, со всѣми прощался, —
Бѣдственно воинъ въ пѣчи умиралъ.

* *

Хворостомъ снова тотчасъ затопили,
И въ пепелъ роднова невинно сожгли,
Пожитки немедля его схоронили,
Поѣли, и всѣ вечерять залегли.

* *

Только лишь стали глаза ихъ смыкаться,
Вдругъ застучало подъ краснымъ окномъ:
Вздрогнула бабушка, — стала пугаться,
Услышавъ не въ пору тотъ стукъ не путемъ.

* *

Щеколда поднялась, — солдатъ прибѣгаетъ,
Думалъ увидѣть товарища тамъ:
Съ свиданьемъ сыновнимъ смѣясь, поздравляетъ,
Ходя самъ, гладитъ себя по усамъ.

* *

Какова кормилецъ сынка вспоминаешь?
Старуха нахмурясь сказала въ отвѣтъ!
Напрасно смѣешься, напрасно пугаешь:
У насъ никакова прихожаго нѣтъ.

* *

Какъ нѣтъ? Куда же прихожій дѣвался?
Старухѣ солдатъ изумясь повторялъ,
Онъ рано со мною сего дня разстался,
И какъ его звали, — имъ все расказалъ.

* *

Дѣдъ застоналъ и старуха взрыдала.
Грѣхъ нашъ великой! вскричала она,
Съ горести сердца на землю упала. —
Злодѣи! вамъ гибель всегда суждена.

ОТВѢТЪ
МОИМЪ ЗЕМЛЯКАМЪ.

По селу меня ругаютъ
Одноземцы за стихи,
Пустомѣлей называютъ;
Вотъ пустился на грѣхи!

*

Зналъ бы торгъ, вѣсы и мѣры,
Да о полѣ бъ не забылъ;
Чемъ выдумывать химеры!
Мнѣ знакомецъ говорилъ.

*

Не въ свое не суйся дѣло;
Были рѣчи земляка,
И скажу голубчикъ смѣло:
Стоитъ бить бы дурака!

*

Но позвольте сваты, други!
Вамъ причину объяснить,
Вить пишу я на досугѣ;
Такъ за что жъ меня винить?

*

Разсудите вы родныя,
Лучше ль по пусту гулять? —
Намъ минуты дорогія
Не велѣлъ Господь терять!

*

Утромъ въ лавкѣ я бываю,
До обѣда все тружусь,—
Въ полдень щеты разбираю;
Въ вечеръ поздо спать ложусь.

*

Но урву какой часочикъ
Отъ безсонницы своей,
Взявъ бумажки лоскуточикъ
За стихи я поскорѣй.

*

И въ моемъ воображеньи,
Жизни сельской красоты,
Какъ въ веселомъ сновидѣньи —
Представляются цвѣты.

*

И съ бумагой раздѣляю,
Я мечту тогда мою,
И что въ сердцѣ ощущаю,
Я въ стихахъ передаю.

*

Иногда пишу портреты
Я съ родни, съ дѣтей, друзей,
Ставлю вѣрно ихъ примѣты—
Въ память радости своей!

*

Я искуства не имѣю,
Предъ судьями вкуса нѣмъ.
Хвалятъ? — веселюсь душею,
Хулятъ? не печалюсь тѣмъ.

Веселюся за трудами,
Какъ съ палитрою сижу; —
Съ доброй женкой, и съ дѣтями
Часъ безцѣнной провожу.

*

Чѣмъ знакомымъ я мѣшаю?
Видитъ Богъ! не знаю самъ.
Но на волю оставляю —
Пересуды землякамъ.

СМѢЛЬЧАКЪ

Посланный съ Царскимъ веленьемъ —
Курьеръ поспѣшалъ...
И вотъ ужъ надъ ближнимъ селеньемъ —
Дня свѣтъ пропадалъ!

*

Въ селенье, — ретивой соврасой,
Въ минуту домчалъ.
На встрѣчу старикъ сѣдовласой —
Съ поклономъ сказалъ:

*

Страшно въ дорогу пускаться,
Здѣсь въ ночь одному.
Лучше кормилецъ остаться,
Въ нашемъ дому.

*

Селенья далече не будетъ —
Окромѣ лѣсовъ;
Страшно тамъ ночью бушуетъ —
Злой духъ изъ кустовъ.

*

Какое то чудо выходитъ
Изъ лѣсу въ полночь.
Гибель прохожимъ наводитъ,
А нечѣмъ помочь.

*

Завтре до солнца ты встанешь
И въ путь полетишь,
Спасибо мнѣ дитятко скажешь;
Себя не згубишь.

*

Я ничего — не робѣю!
И съ Богомъ — мой путь!
Прощайте, — я къ ночи успѣю—
Верстъ десять махнуть.

*

Вотъ ѣдетъ , — дорога темнѣе ,
Дуброва шумитъ.
Ѣдетъ что далѣ, — страшнѣе,
Свиститъ и гремитъ!

*

Мглою весь лѣсъ покрывался,
И слѣдъ пропадалъ.—
Соврасой подъ нимъ спотыкался,
И путь потерялъ.

*

Вдругъ къ старой избѣ подъѣзжаетъ—
Раскрытой, худой!
И тамъ удальца застигаетъ,—
Ночлегъ путевой.

*

Къ сучьямъ ѣздокъ не страшливой
Коня привязалъ,
Вынулъ кремень, и съ огнивой ,
Огня высѣкалъ,

*

Ложася Крестомъ оградился,
Молитву творилъ. —
Трубку набилъ, — ободрился,
Табакъ закурилъ.

*

Какъ буря шумѣла въ дремучемъ!
Ужъ близко катитъ; —
Забилося сердце въ могучемъ!
Поднялся, глядитъ: —

*

Съ щетинистой шелъ бородою,
Ужасной старикъ;
Съ рогатой какъ быкъ головою,
Собой не великъ,

*

Ноги кривыя, — горбатой
Трясется, идетъ,
Покрытый весь шерстью косматой,
Медведемъ реветъ,

*

Руки какъ лапы съ когтями,
Глазами сверкалъ,
Рыло кабанье съ клыками,
И львомъ наступалъ.

*

Началъ съ молитвой креститься
Курьеръ молодой,
Думалъ, — авось удалится
Нечистой духъ злой!

*

Крестомъ и его ограждаетъ,
Злодей не бѣжитъ, —
Смѣльчакъ кулаками встрѣчаетъ —
Злодей ужъ лежитъ!

*

Замялъ, и душилъ не робѣя
Всей мочью смѣльчакъ!
Голосъ раздался злодея:
Взмолился чудакъ!

*

А! а! ты недобрый космашой!
Шутилъ ты со мной, —
Прощайся на вѣки съ рогашой —
Своей головой!...

СЕЛЬСКАЯ МАСЛЯНИЦА.

Передъ утренней зарею,
Часто нашъ пѣтухъ кричалъ,
У сосѣдей той порою —
Сонъ пріятной отнималъ.
Встала бабушка родная,
Встали дѣтушки и мать!
Тутъ невѣстка молодая
Стала пѣчку затоплять.
Яснымъ ясно пламенели
Золотые угольки —
Сковородки загремели,
И готовились блинки.
Тотчасъ дѣти налѣтѣли,
И къ сторонкѣ на шестокъ,
Ужъ малюточки имѣли —
Первый масляный блинокъ.
Лишь заря, и все готово —
Столъ, и пиво, и вино,
Дожидаясь дорогова, —
Смотритъ бабушка въ окно.
На порогѣ замываетъ
Лапки васинька ловецъ,
Драку курицъ разнимаетъ
Черноперый удалецъ...
Передъ домомъ разносился
Бепокойный крикъ сорокъ,

Предъ окномъ лѣталъ, кружился —
Сизокрылый голубокъ.
Знать что гости будутъ скоро,
Дѣдъ съ усмѣшкою сказалъ.
Лишь успѣлъ промолвить слово,
Зять ихъ милой прискакалъ;
Тутъ и кумъ катитъ съ кумою,
Сватъ Ѳома, и Титъ сосѣдъ!
Идутъ весело гурьбою, —
Къ другу въ гости на обѣдъ.
Вся семья бѣжитъ, — встрѣчаетъ,
Ниско кланяяся имъ!
Дѣдъ и двери отворяетъ,
Радъ былъ милымъ и роднымъ. —
Помолясь пришедъ, садятся,
Разговоры завели,—
Всѣ смѣются, — веселятся,
Точно кладъ какой нашли.
Мать Гостей любимыхъ проситъ
Всѣхъ блинами, пирогомъ;
Старшій сынъ тотчасъ обноситъ
Добрымъ пѣнистымъ виномъ;
Тутъ братыня круговая
Съ брагой пьяной молодой;
Пьютъ всѣ старь воспоминая
И законъ отцовъ святой!
Зять дородной и кудрявой
Съ молодой сидѣлъ женой,
Веселилъ гостей забавой,
Рѣчью умной, — и смѣшной.

Всѣ съ шутливыми рѣчами,
Были гости за столомъ,
Шевельнулъ лишь сватъ усами,
И братыня къ верху дномъ! —
Ну — спасибо свату другу,
Сватьѣ, бабушкѣ съ семьей,
За хлѣбъ за соль и услугу,
И пріемъ вашъ дорогой!
Тутъ за нимъ всѣ поднялися
Гости добрыя домой,
И какъ други обнялися,
Шли схватясь рука съ рукой.

ПОТЕРЯ ДОБРАГО ГОСПОДИНА.

(Сельская Идилія)

Въ осенни мрачны дни, вечернею порою,
Когда свѣтъ солнечный скрывался за горою,
И тучныя стада збиралися съ полей, —
Окончились труды заботливыхъ семей!
Сидѣла мать тогда окружена дѣтями
У краснаго окна, — и залилась слезами —
Припомнивъ, что сей день имъ радостенъ бы-
валъ,
Что доброй господинъ тогда ихъ навѣщалъ,
Съ пріятной ласкою и добрымъ наставленьемъ —
Былъ сердцу каждаго безцѣннымъ утѣшеньемъ,
Какъ солнце красное въ весенній день свѣтлѣлъ,
Теперь его ужъ нѣтъ, намъ міръ осиротѣлъ!
Не милы намъ поля, и рощи запустѣли,
Не будетъ радость пѣть пастухъ нашъ на сви-
рѣли,
Для сердца матери потеря болѣ всѣхъ;
Заплакалъ добрый сынъ, сказалъ: намъ нѣтъ
утѣхъ!
Лишились въ Баринѣ отца семей роднаго,
Сокровища для насъ не стало довогаго!
Онъ видомъ былъ краса, таковъ былъ и душой.
Тутъ молвила сестра: то правда мой родной,
Когда онъ проѣзжалъ любимыми полями,
Казался краше всѣхъ, какъ розанъ межъ цвѣ-
тами,

Привѣтно говорилъ, шутилъ, и всѣхъ ласкалъ,
И взглядомъ радость онъ во всѣ сердца вливалъ;
Теперь его никто не видитъ, не находитъ!
На рѣчи къ нимъ тогда ихъ дѣдушка подходитъ:
Вы плачете, сказалъ трепещущій старикъ,
Такъ плачьте дѣтушки, нашъ вѣрно грѣхъ великъ!
На свѣтѣ милыя, мы всѣ живемъ гостями,
Потерю кровную не воротить слезами!
Ахъ! что вамъ говорю? — Хоть онъ здѣсь кончилъ вѣкъ,
Но въ вѣчность перейдетъ отъ міра человѣкъ;
О дѣти, онъ блаженъ! не встрѣтитъ скорбей слезныхъ,
И добрый, радуетъ онъ — Ангеловъ небесныхъ!

УМИРАЮЩІЙ СТАРИКЪ.

Почтенный Прохоръ — умирая —
Собралъ дѣтей, благословилъ!
И какъ имъ жить напоминая,
Сквозь слезы старецъ говорилъ:

О! незабудьте дѣти, внуки,
Послѣдній мой теперь наказъ!
Ужъ близокъ часъ моей разлуки,
И всѣхъ на вѣкъ оставлю васъ!

Вы въ Бога вѣруйте душою,
И чтите всѣ Законъ Святой!
Живите мирно межъ собою;
По мнѣ — вамъ будетъ братъ большой.

Царя! и власти свято чтите,
Трубалъ васъ къ брани воззоветъ?
Своей вы жизни не щадите! —
Блаженъ, кто за Царя — умретъ!

Вы честь съ поклономъ воздавайте,
Въ пути идущимъ старикамъ;
Для думы къ нимъ же прибѣгайте,
Они полезны будутъ вамъ.

Съ сосѣдомъ мирно всѣ живите,
Какъ съ братомъ милымъ, и роднымъ,

Послѣдній хлѣбъ съ нимъ раздѣлите,
Не скупы будьте и къ чужимъ.

Зерна безъ просу не берите,
Всякъ будь своимъ доволенъ самъ;
Загонъ сосѣдній не орите,
Обидъ не дѣлай — и врагамъ.

На помощь ближнему спѣшите,
Добро есть — ближнимъ помогать! —
За правду жизни не щадите,
Блаженство добрымъ умирать!

Сказалъ старикъ, — и вздохъ сердечный
Летѣлъ уже въ послѣдній разъ,
И сонъ объемлетъ старца вѣчный!
Дѣтямъ насталъ плачевный часъ!...

ЧУВСТВА ДУШИ КЪ БОГУ.

Великій мой Творецъ, Владыко Всемогущій!
Единъ Ты Боже всѣмъ, въ превыспреннихъ живущій.
Земля, и небеса во власти суть Твоей. —
Изчислилъ Ты пески, и капли рѣкъ, морей.
Ты существо огня, и тягость вѣтра знаешь,
И молніей сквозь дождь сводъ неба озаряешь!
Ты знаешь нужды всѣхъ, — всѣхъ милуешь, хранишь,
Мы гнѣваемъ Тебя, но Ты благотворишь!
Я помню — тѣ лѣта, какъ былъ я сиротою,
Оставленъ былъ отцемъ и матерью родною;
Мнѣ жизнь была, какъ ночь съ густою темнотой,
И тучу разныхъ бѣдъ я видѣлъ предъ собой,
Которая меня разила повсечасно;
Казалось мнѣ, мой вѣкъ окончится несчастно!
Минуту каждую я бѣдствій ожидалъ,
Но все — я на Тебя Владыко уповалъ!
Всещедрый удивилъ Ты милость надо мною,
Хвалю Тебя Творецъ, и сердцемъ и душою!
Ты бурю разогналъ, и силу грозныхъ тучъ;
Ужъ радуетъ меня блестящій солнца лучъ,

До гроба моего мнѣ Боже будь покровомъ,
По смерти жъ — даруй мнѣ съ Тобой жить въ
свѣтѣ новомъ!

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

